

Свидание с Детективом

ЮЛИЯ АЛЕЙНИКОВА

ДАМА С
ГОРГУЛЬЕЙ

Юлия Алейникова

Дама с горгульей

«ЭКСМО»

2013

Алейникова Ю. В.

Дама с горгульей / Ю. В. Алейникова — «Эксмо», 2013

В размеренную, тихую жизнь скромной преподавательницы математики Агриппины Начинкиной ворвалась трагедия – кто-то покушался на ее отца, всемогущего олигарха. К счастью, папа остался жив, вместо него погиб другой человек. Но ведь не сама же свалилась с крыши дома статуя горгульи! Конечно, расследование – дело полиции. Ну, в крайнем случае шефа департамента безопасности отцовского холдинга Артема Сокольского. Только Гриппа не может пустить все на самотек, лучше ее никто не разберется в этом деле. Ведь в том, что преступление совершил человек из близкого круга, сомнений нет. Кто же он? И когда ждать следующего покушения?..

© Алейникова Ю. В., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Юлия Алейникова

Дама с горгульей

© Алейникова Ю., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Все гудело в доме, как в растревоженном улье. Елена Сергеевна Начинкина с сияющими глазами и покрасневшими щеками порхала по дому, сея повсюду хаос и разжигая и без того тлеющее в прислуге раздражение. Сегодня вечером у хозяйки дома намечался большой прием. Феерический, грандиозный, как и все прочие ее начинания. Елена Сергеевна пылала и искрилась от переполнявшего ее предвкушения. Все должно быть идеально, безупречно, восхитительно! Восторженные восклицания то и дело слетали с ее уст, изящные тонкие руки взлетали, словно крылышки колибри, указывая и направляя.

За нею, этим воздушным, восторженным созданием, облаченным в невесомый бледно-розовый пеньюар, украшенный пеной кружев, следовала, будто тень, сухая, плоская фигура, скучно-серая, угловатая, со скрипучим, бесцветным голосом, словно олицетворяя собой антитезу хозяйки дома. Это была ее карающая длань, домоправительница Чеслава Зиновьевна Червякова, которую подчиненные за «приятность» характера и манеру держаться «ласково» прозвали Чесоткой.

Сегодня был знаменательный для семейства олигарха Начинкина день – день рождения самого Вольдемара Сигизмундовича, совмещенный Еленой Сергеевной с новосельем. Конечно, ей не очень-то нравилось объединять два праздника в один, но олигарх Начинкин не выносил толпы посторонних в доме, а праздника ужасно хотелось. Поэтому пришлось напрягать фантазию, выкладываться из последних сил, дабы сделать его незабываемым. И поскольку лист календаря едва закрыл собой надпись «Хэллоуин», Еленой Сергеевной было принято смелое решение превратить торжество в бал-маскарад.

Хозяйка дома была натурой яркой, артистической, утонченной, одаренной изысканной фантазией, страстной и пылкой. Она была бывшей балериной. В молодые годы Елена Сергеевна блистала под сводами Мариинки, тогда еще прозывавшейся театром оперы и балета им. Кирова. Выступала хоть и не в главных партиях, но все же в сольных и, возможно, достигла бы большего, но тут ее заметил и за собой увлек Вольдемар Сигизмундович Начинкин. Юная балерина, будучи натурой цельной, не смогла разрываться между репетициями, спектаклями, уроками классического танца и глубоким, ярким, как пламя Прометея, чувством к супругу, светскими раутами, поездками в Париж, отдыхом на Мальдивах и бурным шопингом, поэтому спустя два года со дня бракосочетания покинула сцену, полностью посвятив себя семье. Об этой жертве она нередко в дальнейшем напоминала Вольдемару Сигизмундовичу в особенно острые моменты их семейной жизни.

В это хлопотливое позднее утро глава семейства отсиживался у себя в кабинете, совершенно безучастный к готовящемуся торжеству. В офис его сегодня не пустили. Елена Сергеевна, зная нелюбовь мужа к подобным торжествам, опасалась, что он вовсе не появится на празднике, а потому предпринимала меры. И в западном крыле дома, где располагался хозяйский кабинет, сейчас царили тишина и покой, все двери туда были плотно закрыты. Но это был единственный уголок мира и спокойствия в огромном доме.

Госпожа Начинкина смерчем пролетела парадную анфиладу, раздала тысячу противоречивых указаний прислуге и, оставив свою серую тень, своего чербера бдеть недремлющим оком за приготовлениями к маскараду, легко вспорхнула по лестнице на второй этаж. Тут ее хорошенькое, еще не потерявшее естественной прелести личико вытянулось и утратило беззаботное сияние, украшавшее его все утро. Потому что она увидела, что посредине верхней площадки, как изваяние пушкинского Командора, стоит ее свекровь.

Галина Станиславовна Начинкина не любила невестку. В том плане, что не испытывала к ней любви. Но и ненависти к Елене Сергеевне родительница олигарха также не питала. Просто не могла воспринимать ее всерьез. Вот уже четверть века ее сын был женат на этой легкомыс-

ленной особе, а Галине Станиславовне, вопреки всякой логике, до сих пор казалось, что у сына мимолетное увлечение. Вот первую свою невестку она не любила по-настоящему, крепко. Так крепко, что до сих пор с трудом держала лицо в ее присутствии. А балерина... Ну как можно всерьез воспринимать женщину размером с чихуа-хуа и с фигурой двенадцатилетней девочки, которая целыми днями машет ногами в своей комнате, по каждому пустяку закатывает истерики, носит нелепые попугайские наряды и устраивает в мужнин день рождения маскарад в стиле графа Дракулы?

Да, да, представьте себе, глупышка составила список возможных масок, среди которых фигурировали такие персонажи, как Генрих Восьмой, Екатерина Медичи, Малюта Скуратов, Дарья Салтыкова, Нерон и Калигула, фея Моргана и прочие в том же духе! Сама собиралась предстать на этом шабаше в образе единственного светлого ангела среди сборища темных сил, а несчастного Вольдемара Сигизмундовича, своего супруга, обрядить не кем иным, как именно графом Дракулой.

Естественно, Галина Станиславовна от участия в таком безобразии отказалась. Ей, как заслуженному российскому педагогу с сорокапятилетним стажем, даже смотреть на подобное не пристало.

Но посмотреть, если честно, хотелось. И Галина Станиславовна, движимая любопытством, решила спуститься вниз, чтобы взглянуть на придумки невестки, неумной в своем стремлении придать новому особняку Начинкиных соответствующий, по ее мнению, вид. Как будто и так недостаточно! Ведь эта любительница дешевой театральщины при строительстве скопировала знаменитый киевский Дом с химерами архитектора Городецкого, нынешнюю резиденцию украинского президента. Облицованный серым камнем фасад особняка щедро украшали горгульи, химеры, слоны, носороги, жабы, змеи, уродливые карлы, тритоны и прочая фауна. Утешало лишь то, что киевский собрат их нового фамильного монстра считался признанным памятником архитектуры стиля модерн.

Так вот, движимая любопытством Галина Станиславовна самым прозаическим образом столкнулась на лестнице с невесткой. Признавать свои слабости Галина Станиславовна не любила, тем более она, педагог с сорокапятилетним стажем, не привыкла публично терять лицо, а потому тут же недовольно поджала губы и с высокомерным осуждением воззрилась на милое создание в розовом пеньюаре, с завидной легкостью на одном дыхании одолевшее парадную мраморную лестницу.

– Ой! Галина Станиславовна! Вы вниз? – засюсюкала растерявшаяся Елена Сергеевна.

Образ свекрови вызывал в ней если не страх, то определенный трепет. Бывшая балерина считала ее бесчувственной сушеной воблой, а в сердцах, в узком кругу подруг, называла родительницу мужа не иначе как «наша училка». Вообще-то причин для жалоб на Галину Станиславовну у нее было немного, но как приятно, сладко всхлипнув, пожаловаться на тиранию свекрови и встретить ответный хор полных сочувствия и понимания голосов.

– Да. Хотела узнать у тебя, в котором часу ожидаются гости, и предупредить Чеславу, что я ужинаю у себя, – чопорно ответила «королева-мать».

– Она уже в курсе, я ее предупредила. Галиночка Станиславовна, может, все-таки поужинаете с нами? Можете без костюма. Все же у Волика день рождения! – защебетала Елена Сергеевна, в душе надеявшаяся на твердый отказ.

– Елена, я уважаемый человек, педагог с почти пятидесятилетним стажем, среди моих бывших учеников есть профессора и академики. Так неужели ты думаешь, я стану участвовать в твоём балагане? – строго сдвинув седые, выщипанные в ниточку брови, спросила Галина Станиславовна. – Лучше ответь мне, Агриппина приедет?

– Ну, разумеется.

– Как появится, скажи ей, пусть зайдет ко мне. И непременно до праздника.

Агриппина Начинкина стояла в хвосте длинной пробки, вытянувшейся разноцветной гусеницей вдоль всей набережной. Была пятница, часы показывали начало пятого, за окном моросил мелкий серый дождик, впереди ее ожидал мучительный вечер в кругу малознакомых людей, при полной невозможности покинуть вечеринку до самого ее финала. А учитывая размах обычных маменькиных праздников, долгожданный финал наступит часов в пять утра. Агриппина положила подбородок на руль и почувствовала себя невинно осужденной, всходящей на эшафот. Впрочем, те, наверное, меньше страдали, поскольку сами выбирали собственную участь. Ее же судьбу предопределило рождение.

Конечно, многие из нынешних знакомых девушки посчитали бы ее жалобы пустым капризом избалованной особы. Но что они знают об изнанке ее жизни? Ничего! Богатые родители и дом – полная чаша еще никому не гарантировали счастья. Ей вообще часто казалось, что аист, разносивший младенцев в ночь ее рождения, чего-то там напутал и принес Агриппину не по адресу. А иначе как можно объяснить ее духовное сиротство в кругу семьи?

Вы хоть представляете, каково это жить на свете, когда все, даже собственное имя ранит тебя, стоит кому-то из окружающих обратиться к тебе? Вот Агриппина представляла.

Ее экзальтированная мамочка, с восторгом ожидавшая рождения дочери, мечтала вырастить из крошки великую балерину и после долгих раздумий выбрала ей соответствующее будущему имя – Агриппина, в честь великой, непревзойденной Агриппины Вагановой, гениального педагога и хореографа, чье имя с гордостью носит Академия русского балета, храм искусства, в котором Елена Сергеевна Начинкина, в девичестве Воробьева, провела лучшие годы детства и юности. Не учла счастливая мать лишь нелепого сочетания имени, отчества и фамилии, стараниями родственников доставшихся несчастной малютке, – Агриппина Вольдемаровна Начинкина звучало как издевка. Не говоря уже об уменьшительно-ласкательных вариантах имени «Агриппина», из которых «Гриппа» было не худшим вариантом, хотя и звучало скорее как диагноз.

В довершение всего девочка оказалась совершенно бездарной в отношении хореографии и артистической карьеры. Она с детства не любила танцевать, была неуклюжей, немusыкальной, всячески сопротивлялась любым попыткам развить в ней якобы глубоко спрятанные таланты, ненавидела публичность, болезненно стеснялась гостей и, естественно, с треском провалила вступительные экзамены в академию, несмотря на многочисленные занятия с дорогими репетиторами и старания матери. После чего окончательно осознала свою полную несостоятельность и отправилась учиться в обычную гимназию с математическим уклоном.

Итак, ни артистизма, ни тонкости натуры в девочке не просматривалось. Мать была разочарована. Но и другие родственники не находили в малютке никаких особых талантов и дарований. Бабушка Галина Станиславовна, проработавшая всю жизнь учителем словесности в средней школе, страстная почитательница пушкинского таланта, мечтавшая в душе о Пушкинском доме, научных трудах и литературных вечерах, обнаружила во внучке полное равнодушие к поэзии в частности и к литературе вообще. Отец, Вольдемар Сигизмундович, был слишком занят, чтобы уделять дочери много внимания, но все же успел убедиться, что в ней нет задатков лидера, от природы она наделена весьма скромными амбициями, и никаких грандиозных свершений от юной Агриппины больше не ожидал, предоставив ей возможность развиваться естественно.

Хорошая, а скорее даже отличная успеваемость Гриппы в школьных науках впечатления на родственников не производила. Да и на саму девочку тоже. Ибо она, будучи человеком неглупым, вслед за родственниками была вынуждена признать себя личностью заурядной, принять это как данность и жить дальше. Единственное, что ее мучило, это попытки родственников вытащить ее на свет из спасительной уютной тени, а также вызывающая оригинальность собственного имени, совершенно не сочетающаяся с такой серой личностью и, следовательно, вносящая дисгармонию в существование этой самой личности.

Гриппа с отличием окончила гимназию, поступила в университет на математико-механический факультет, окончила его с отличием, поступила в аспирантуру и готовилась в ближайшее время с блеском защитить диссертацию, став кандидатом наук. Название Гриппино научного труда ни один из ее родственников повторить не смог бы, но, впрочем, никто и не пытался. После защиты Гриппа мечтала остаться работать преподавателем на родной кафедре. Все это воспринималось родными с умеренным равнодушием. Для них девушка была прежней серой мышкой, замкнутым и бесталанным человеком, прячущимся в мире скучных цифр, таких же скучных, как и она сама.

Едва окончив университет, Гриппа сбежала из семьи в купленную отцом однокомнатную квартиру, причем, по ее требованию, в обычном доме. Родители были в шоке от подобного требования и долго сопротивлялись, пытались поселить в роскошные апартаменты в клубном доме на Крестовском острове. Но Гриппа твердо стояла на своем и в итоге въехала в выбранную ею самой квартиру в недавно возведенном здании поблизости от университета, в Петергофе.

Ремонт в квартире делала мама, но это уже было чепухой. Гриппе купили скромный «Опель Астру» рядового серебристого цвета, и девушка зажила новой жизнью, мечтая о собственной зарплате и о полной и окончательной независимости от семьи. И все у нее стало налаживаться. У Гриппы появились друзья, ничего не знавшие о масштабах благосостояния ее родственников, милые, обычные люди, среди которых девушка чувствовала себя уютно и комфортно. Она училась жить как все и была почти счастлива. Огорчали ее лишь регулярные семейные торжества, избежать посещения которых не было никакой возможности.

Одним из таких, в котором никак нельзя не принимать участие, должен стать сегодняшний праздник.

Ладно, уговаривала себя Гриппа, главное – продержаться до полуночи, а там можно тихонько сбежать наверх. К тому же мать говорила о каком-то маскараде. Если повезет, маска будет неброской и полностью ее скроет. О костюме, в который придется облачиться, Гриппа имела весьма смутное представление, ибо выбирала его, конечно, мамочка. И, естественно, с прицелом.

Два года назад родительница Гриппы поставила перед собой нелегкую задачу – выдать любимое, но неказистое чадо замуж. Пристроить, чтоб голова уже не болела. На саму Агриппину мама в этом вопросе не надеялась. И, в общем-то, правильно. Потому что Гриппа близких отношений с противоположным полом отродясь не имела, зато имела массу комплексов на сей счет. Хотя с давних лет у нее был дежурный поклонник, запасной вариант на крайний случай – сын папиного зама Илья Тиховлиз. Тот долгие годы ухаживал за Гриппой важно и обстоятельно, с дальним прицелом. Сама же девушка совершенно не питала по его поводу никаких иллюзий. Илья, как и его папочка, был напрочь лишен сантиментов, зато хорошо считал деньги, то есть просчитывал выгоды. А быть предметом торга или ступенью в чьем-то карьерном росте Агриппина считала для себя унижительным, а потому не выносила Илью, брезговала его ухаживаниями. Да и все семейство Тиховлизов, если честно признаться, не жаловала, поскольку его члены, как близкие семье Начинкиных люди, были свидетелями всех ее мучительных фиаско.

И вот сейчас от мыслей о неизбежной встрече с дежурным женихом и предстоящем унижении остатки хорошего настроения покинули Гриппу, а по ее щекам скатились две крупных соленых слезы.

Нина Андреевна Тиховлиз вела свой «Мерседес» уверенной, не по-женски твердой рукой. Такой же твердой рукой дама вела по жизни свое семейство. Справа от нее на пассажирском сиденье сидел супруг, Пофистал Тарасович, председатель правления одного из крупнейших российских холдингов, основная доля которого принадлежала его старинному другу и

благодетелю Вольдемару Сигизмундовичу Начинкину, на чей день рождения Тиховлизы сейчас и следовали.

Гордое имя Пофистал, кое являлось сокращением от слов «победитель фашизма Иосиф Сталин», супруг Нины Андреевны получил от деда, героя войны и горячего поклонника «вождя всех народов», не одобрявшего разоблачения культа личности и таким образом выразившего свой протест.

На заднем сиденье «Мерседеса» разместилось младшее поколение Тиховлизов, сын, Илья Пофисталович Тиховлиз, двадцати семи лет отроду, перспективный чиновник городской администрации с большими амбициями, и дочь, Екатерина Пофисталовна, девушка без определенных занятий, но с образованием и хорошими видами на замужество. Оба отпрыска, естественно, имели свой личный транспорт, жили отдельно от родителей, хотя и по соседству, под бдительным оком Нины Андреевны, но на такое важное, почти семейное торжество предпочитали являться дружным коллективом, представляя всем образец крепкой, здоровой семьи.

– Пофик, – обратилась к мужу Нина Андреевна, – Вольдемар знает, в каком костюме ты будешь?

Голос Нины Андреевны звучал веско и холодно, и даже человеку постороннему тут же стало бы ясно: Пофистал Тарасович в чем-то провинился, и расплата еще не настала.

– Нет, – буркнул хмурый супруг, глядя в боковое окно, прикрываясь от своей половины высоко поднятыми плечами.

– Вот и хорошо. Не лезь к нему на глаза, глядишь, все и обойдется. А во время ужина я карточки поменяю, чтобы ты подальше от него сидел.

– Угу. Если только их до тебя не поменяли, – зло проворчал супруг и продолжил нервно грызть ногти.

Эта отвратительная детская привычка просыпалась в нем в стрессовые моменты и жутко раздражала Нину Андреевну, но сегодня она сочла за лучшее сделать вид, будто не заметила занятие мужа, и промолчать, не доставая его пустыми замечаниями.

– Илья, тебе пора на что-то решаться. Агриппина уже взрослая женщина, кто знает, что может случиться. По-моему, ты проявляешь преступное легкомыслие, – переключилась Нина Андреевна на сына. До прибытия на место оставалось не более пятнадцати минут, настало время раздать всем указания.

– Мама, я стараюсь, но она избегает меня. К тому же я уверен, что у нее никого нет.

– Тем не менее поторопись. Пока наш папочка еще чего-нибудь не выкинул... А то останешься без завидной партии.

Неопределенность отношений Ильи с наследницей начинкинских капиталов давно беспокоила достойную мать семейства, а шестое чувство подсказывало ей, что пришло время форсировать события, пока чье-нибудь роковое вмешательство не разрушит альянс, давно ожидаемый обоими семействами.

– Прояви настойчивость, Илья. В конце концов, затащи ее в постель. Такие вещи всегда срабатывают. Это-то ты сделать можешь? – резко, без всяких экивоков, бросила Нина Андреевна сыну, когда колеса джипа уже шуршали по графию подъездной аллеи.

– Мама! – возмущенно воскликнул шокированный молодой чиновник, вогнанный в краску материнской прямоотой.

– Не мамкай, а делай что говорят! – отрезала госпожа Тиховлиз, торопясь закончить наставления. – А ты, Екатерина, не вешайся на женатых мужиков. Чем дочурка в клубах занимается, меня не интересует, но здесь чтобы ничего подобного не было. Скандалы нам не нужны. Сейчас мы их себе позволить не можем. Все! – подвела дама черту под разговором и заглушила двигатель. – Чтоб мне без фокусов!

Нина Андреевна напоследок обвела все семейство строгим генеральским взглядом и вышла из машины.

Анжела Коробицкая, в девичестве Начинкина, стояла перед зеркалом в одной из гостевых спален нового отцовского особняка, а рядом пыхтел, облачаясь в костюм, ее муж. Валерию Коробицкому было слегка за тридцать, он был по-прежнему хорош собой, подтянут и, как и прежде, нравился женщинам. Но вот Анжела, увы, остыла к своему супругу, от пылкой страсти не осталось и следа. Его красивое до смазливости лицо и привычка подолгу придиричливо рассматривать собственное отражение в зеркале ужасно раздражали, а казавшиеся некогда галантными манеры теперь представлялись вычурными и наигранными.

Анжела уже оделась, закончила макияж и сейчас с легкой неприязнью наблюдала, как Валерий пытается справиться со шнуровкой на камзоле. Себе и мужу Анжела для маскарада выбрала костюмы Лукреции и Чезаре Борджиа, великих отравителей и злодеев, брата и сестры, ставших любовниками и вызвавших своими развратом и злодеяниями отвращение современников и потомков. Анжеле с ее длинными золотистыми волосами очень подошел образ Лукреции, а черные усики и тонкие черты лица ее мужа в сочетании со стройной фигурой прекрасно подходили к костюму Чезаре. Рядом супруги Коробицкие смотрелись неотразимо.

Своего сына Феликса, любимца бабушки Вольдемара и главного наследника начинкинских миллионов, Анжела хотела представить «голубым мальчиком» с картины Гейнсборо, но восьмилетний Феликс устроил такой скандал, что мать махнула рукой и позволила ему наряжаться вампиром. Тем более что его бабушка, как донесла разведка, должен предстать перед гостями в костюме Дракулы.

Анжела еще раз взглянула на свое роскошное отражение. Бархатное, расшитое золотом платье выглядело восхитительно. Хорошо, что Елена Сергеевна предупредила о маскараде за два месяца, она успела слетать в Италию за аксессуарами.

– Ты уверена, что Вольдемар будет в костюме Дракулы? – вывел ее из задумчивости муж.

– Да. А почему тебя это так волнует? – тут же насторожилась Анжела. – Что, снова деньги? Ты опять прогорел? Не вздумай лезть к отцу в день рождения!

Ярость разгоралась в ней, поднимаясь в горле жгучим потоком, словно лава в жерле вулкана.

– Успокойся. Я просто спросил, – зло оборвал ее Валерий и раздраженно обронил: – Пошли уже. Гости наверняка собрались, пока мы эти попугайские костюмы натягивали. Помоему, я похож на балетного педика.

– Закрой рот! Елена, может, и дура законченная, но праздники устраивать умеет. К тому же кого сейчас удивишь смокингом? – в тон мужу огрызнулась Анжела. – И, кстати, постарайся не напиться. И не пускай слюни на каждый проплывающий мимо силиконовый бюст.

Глава 2

Обширный паркинг был плотно заставлен машинами. Искусно размещенная подсветка выхватывала из темноты оскалы, клыки и бивни украшавших фасад дома чудовищ, по саду тихо разливалась музыка – что-то средневековое, пронзительно печальное, необычайно гармонизирующее с освещающими дорожки факелами. Гости, облаченные в костюмы всех эпох и народов, слегка ежась от ноябрьской сырости, собрались возле террасы, спускавшейся полыми ступенями в сад. Высокие прямоугольные окна бального зала – да, да, в особняке, стараниями Елены Сергеевны, имелся и таковой! – были темны.

Но вот раздался протяжный, гулкий, многократно повторенный каменными сводами зловеющий удар гонга, и окна зала вспыхнули огненным заревом, словно дом в одночасье вспыхнул, и длинные языки алого пламени тут же взметнулись вдоль стекол. Гости вздрогнули. Огромные двойные двери распахнулись, и на крыльцо вместе с клубами дыма вырвался светлый ангел. Но сразу сжался, как будто от ужаса, сложив огромные белоснежные крылья. И на пороге возникла высокая, облаченная в черный плащ фигура с мистически бледным лицом и огромными клыками. Гул голосов резко смолк. Раздался всплеск аплодисментов. Граф Дракула распахнул свой плащ, раскидывая в стороны руки. Взметнулась пурпурная подкладка – и в следующую секунду огромная, крылатая тень с чудовищным скрежетом обрушилась на легендарного кровопийцу, погребя его под каменными руинами. Аплодисменты разбавились визгом восторга, свистом и криками «браво». Гости рассчитывали повеселиться и, кажется, не ошиблись в своих чаяниях. Все знали, что Елена Сергеевна мастерица устраивать вечеринки с изюминкой.

Бравурная музыка, грохнувшая из осветившегося тысячами огней зала, вероятно, символизировала победу светлых сил над мраком. Но вот светлый ангел почему-то не ликовал, а с диким, оглушающим визгом кинулся к погребенному под рухнувшей сверху горгульей телу. Аплодисменты стали какими-то нерешительными, а из толпы гостей, расталкивая застывшие без движения фигуры, спешила на крыльцо сверкающая черным, алым и золотым императрица Цы Си.

Агриппина стояла в тени, чуть в стороне от пестрой толпы гостей. Тяжелое, неудобное платье, расшитое алым и золотым шелком, и нелепая рогатая прическа, которую больше часа ваял из волос девушки мамочкин стилист, доставляли ей почти физические страдания.

Елена Сергеевна долго подбирала для дочери максимально эффектный и нетривиальный наряд, дабы привлечь к ней внимание мужской части гостей. Все открытое и декольтированное отпадало, так как глупышка никогда бы не вышла к людям в сексапильном наряде, пришлось крутиться. Правда, Гриппа все равно скроила кислую мину, но хотя бы согласилась на предложенный образ без возражений.

И вот теперь бедняжка жалась в сторонке, как бедная родственница, а ведь насколько было бы эффектнее, если бы ангелов было два?

Когда мать с присущим ей изяществом выпорхнула на крыльцо, Агриппина с умеренным любопытством ждала появления отца в костюме трансильванского упыря. Ей было даже интересно, как обычно сдержанный, несколько суровый и лишенный каких-либо художественных талантов Вольдемар Сигизмундович справится с отведенной ему ролью. Отец не подкачал, и дочь оценила его старания на «отлично». В осанке и взмахе откидывающих плащ рук были и величие, и драма.

Но потом произошло что-то странное. Раздался какой-то скрежет, грохот, и одновременно с этими звуками огромная каменная горгулья, сидевшая на карнизе бального зала, каким-то непостижимым образом рухнула, погребя под собой именинника. Гости ничего не поняли и продолжали аплодировать, но Агриппина, посвященная в сценарий вечера, оцепе-

нела на мгновение, замерев от ужаса, пытаясь убедить себя, что все это не по-настоящему. Она увидела, как мать с диким, раздирающим грудь визгом кинулась к отцу, услышала, как стали смолкать смех и аплодисменты, и, наконец, сорвалась с места, кинулась, путаясь в длинном подоле тяжелого дурацкого платья, на террасу.

Ей сразу стало ясно – отца больше нет. Голова и грудь его были полностью скрыты под каменными обломками, вокруг черного шелка плаща растекалась густая тягучая лужа, темная, почти черная, с кошмарным приторно-соленым запахом. Агриппина почувствовала тошноту, перед глазами поплыли черные круги. Она пошатнулась, боясь упасть, потому что до ужаса боялась покойников, а под ногами была кровь. Вот и стояла, как дура, с рогами на голове, с подступающей к горлу тошнотой, но думала не об отце, распростертом у ее ног, а о том, чтобы не грохнуться в лужу его крови.

– Господи, папочка... прости меня... – закрывая лицо руками и пытаясь справиться с подступившей слабостью, простонала Агриппина.

– Уведите женщин, – раздался над ее ухом негромкий решительный голос.

Голос был знакомым, в нем не было паники, только сухая деловитость. И это как-то утешало. Гриппа попробовала сосредоточиться на голосе и приоткрыла глаза. В ту же минуту почувствовала, что кто-то поддерживает ее, подняла ресницы и увидела Артема Сокольского, склонившегося над матерью. Сокольский был главой отцовской охраны. Он передал Елену Сергеевну с рук на руки одному из своих людей и распорядился:

– Уведите их в дом, в угловую гостиную.

Затем оглянулся на молчаливую, испуганную толпу у себя за спиной и тихо добавил:

– Гостей проводите в зал, пусть им подадут напитки. Рогов, проследи, чтобы никто не ускользнул. Полицию и «Скорую» вызвали? Хорошо. Павлов, остаешься возле тела.

Агриппину с матерью повели в дом – через празднично освещенную залу, подальше от террасы, в тихую маленькую комнату с широкими бирюзовыми диванами и белой лепниной на потолке.

Они сели. Гриппа в кресло, мать на диван бесформенным белым облаком тюля. Лицо Елены Сергеевны выглядело маленьким, сморщенным и пронзительно несчастным, она тяжело всхлипывала, хрипло, с надрывом. Агриппина, кажется, не плакала. А может, просто не замечала, что плачет. Но вот руки ее тряслись. Просто ходуном ходили. И длинные металлические когти, которые ей надели на пальцы, отвратительно позвякивали. Девушка содрала гадкие когти и попыталась сжать кулаки, чтобы унять дрожь. Но стало только хуже, теперь трясло ее всю. А зубы стучали так громко, что слышно, наверное, было наверху у бабушки.

– Господи! Бабушка! – с трудом шевеля губами, прошептала Гриппа.

Ее никто не услышал. Тут двери справа с шумом распахнулись, и на пороге появилась Лиза, мамина горничная, с большим подносом, на котором стояли бутылка коньяка, почему-то рюмки, несколько пузырьков и пачка каких-то таблеток. Запахло корвалолом.

– Врачу позвонили? – снова раздался над Гриппой голос Сокольского.

– Зачем? – растерянно спросила Лиза. – Поздно ведь уже, не сможешь.

Елена Сергеевна захлебнулась хрипом, и Сокольский зло ответил:

– Для родственников.

Лиза испуганно кивнула и убежала.

Гриппе сунули рюмку корвалола. Она выпила и закашлялась, тогда ей дали стакан воды. Она все видела и понимала, но воспринимала происходящее как-то не по-настоящему, а словно в какой-то параллельной реальности. Все было четким, громким, но словно не имеющим к ней отношения.

Двери снова распахнулись – на пороге стояли сестра с мужем и Феликс. Мальчик был очень испуган, его лицо даже сквозь густой белый грим выглядело ненатурально серым, а зрачки широко распахнутых глаз дико расширены. Анжела вошла в комнату и оглядела всех с

вызовом. Гриппе почему-то подумалось, что она пришла делить наследство. Это было глупо, потому что отец только-только умер, сейчас завещание вскрывать не будут. Следом за Анжелой явилась ее мать Ирина Александровна, первая отцовская жена, под ручку с мужем. Ее супруг, Алексей Николаевич Сидоренко, был давним отцовским другом и компаньоном.

Ирина Александровна тут же под села к дочери, а Алексей Николаевич подошел к хрипящей на диване Елене Сергеевне, похлопал ее по руке.

– Держись, Лена! Волька был хороший мужик, такого никем не заменишь, – отпустил он весьма двусмысленную в его ситуации реплику. – Хорошо хоть, что не мучился, а сразу. Всем бы так, – философски закончил Сидоренко и сел в свободное кресло.

– Бабушку известили? – с жеманным страданием в голосе спросила Анжела, глядя на Гриппу с Еленой Сергеевной. Во взгляде молодой женщины явственно читались испытываемые к родственницам чувства.

– Не знаю, – еле слышно ответила Гриппа, удивившись слабости и хрипоте своего голоса. Дрожь стала отступать, и она уже могла не сжимать так сильно руки.

– Бедная бабуля, не дай бог пережить собственного ребенка, – прижимая к себе Феликса, проговорила Анжела.

Ее слова прозвучали фальшиво, неуместно, и все, включая Ирину Александровну, уставились на нее с немим укором. Анжела смущенно заерзала, но тут же совладала с собой и задумчиво, словно советуясь сама с собой, продолжила начатую тему:

– Все же надо сообщить. Кто-то должен взять на себя эту тяжелую обязанность.

Ей снова никто не ответил.

– Если никто не хочет, видимо, придется мне, – спустя минуту с ноткой самоотречения в голосе сказала Анжела.

– Думаю, лучше дождаться прибытия врача. – Остановил ее незаметно появившийся в комнате Сокольский. – Елена Сергеевна, прибыла полиция. Сейчас они беседуют с гостями, после чего посторонние покинут дом.

Елена Сергеевна вздрогнула, непонимающими глазами взглянула на говорившего, потом, словно бы осознав смысл сказанного, захлебнулась новым потоком рыданий.

Ирина Александровна приподняла недоверчиво брови и попыталась поджать налитые силиконом губы.

Если Елене Сергеевне еще удавалось поддерживать приличную природную форму, то ее предшественница давно уже в деле борьбы за минувшую молодость доверилась пластическим хирургам. Лицо Ирины Александровны было неестественно гладким, брови – высоко приподнятыми, глаза – презрительно суженными, а губы – неестественно полными. Декольте же вздымалось с таким боевым задором, что позавидовали бы и некоторые двадцатилетние барышни. Все это, вместе взятое, неплохо смотрелось с расстояния метров пятидесяти, но при близком контакте вызывало суеверный ужас. Гриппа с матерью между собой называли Ирину Александровну Франкенштейном.

Поймав себя на этих суетных, пустых мыслях, Агриппина смутилась и покраснела. А затем, уловив на себе недобрый, внимательный взгляд Анжелы, вся сжалась и уткнулась глазами в сплетенные на коленях руки.

– Как думаете, сколько эта полицейская канитель времени займет? – нервно обратился к задержавшемуся в комнате Сокольскому Валерий Коробицкий.

– Все зависит от того, к какому выводу придет следствие, – холодно и неприязненно ответил тот, пристально взглянув на хозяйского зятя.

– И что это должно значить? – не глядя на собеседника, уточнил Коробицкий, полностью сосредоточившись на тушении в пепельнице сигареты.

– Если в смерти Вольдемара Сигизмундовича заподозрят злой умысел, следствие может затянуться.

– Злой умысел? – вскинула украшенную замысловатым убором голову Ирина Александровна. Она сегодня была облачена в костюм Клеопатры, весьма смелый и откровенный, дополненный ярким, броским макияжем.

– Если полиция решит, что произошло убийство, следствие может затянуться, – повторил Сокольский.

– Убийство? – неприлично икнула Елена Сергеевна. – О боже! Но как? Кто мог это сделать? – Глаза женщины непроизвольно метнулись к Ирине Александровне с Анжелой.

Те ее взгляд поймали и набросились на новоиспеченную вдову, как голодные собаки на сахарную косточку.

– Что ты на нас уставилась? – без всяких намеков на светский лоск гавкнула Анжела. – Тебе лучше знать, кто мог отца укокошить. Дом твой и вечеринка твоя! А может, это был придуманный тобой трюк?

Елена Сергеевна испуганно покачала головой.

Госпожа Начинкина была самой миниатюрной и хрупкой среди присутствующих дам, и было бы смешно ожидать, что она отважится вступить в открытую стычку с высокой, статной Анжелой. Но так мог бы подумать лишь человек, плохо знакомый с балетной средой, тот, кто наивно воспринимает мир балета воздушно-неземным, парящим над суетой, а балерин – возвышенными, бестелесными созданиями наподобие фей или эльфов. Но такое мнение глубоко ошибочно. Ибо в любом замкнутом сообществе методы и приемы борьбы за место под солнцем всегда бывают жестче и грязнее, чем в открытом мире. Здесь, как говорится, пленных не берут. А Елена Сергеевна прошла неплохую школу выживания, еще учась в балетном училище, и для нее габариты соперницы значения не имели.

Сейчас хрупкая, беззащитная вдовушка не пошла простым и очевидным путем танковой атаки, а избрала более тонкий и дальновидный маневр, дав возможность соперницам показать свое лицо.

– Алексей Николаевич, вызывай адвоката, у меня дурные предчувствия, – распорядилась Ирина Александровна. – Похоже, эта вечеринка задумывалась не именинами, а похоронами. То-то, я смотрю, почти все гости в черном.

– Ну, вас-то с Анжелой в искренней скорби не заподозришь. Для вас этот день навсегда останется праздничным, – тихонько, но вполне разборчиво произнесла вроде бы себе под нос Елена Сергеевна.

Но ее тут же услышали.

– Ты на что намекаешь? – взвился под потолок голос Анжелы.

Из всех присутствующих ее материальное положение было, пожалуй, наиболее уязвимым и нестабильным. Положа руку на сердце, придется сказать, что именно она являлась наиболее зависимой от Вольдемара Сигизмундовича и его расположения. Ибо всем было известно, что коммерческие проекты ее супруга, как правило, с треском проваливались, а ликвидировать последствия его бурной предпринимательской деятельности приходилось Вольдемару Сигизмундовичу. Коробицкий происходил из приличной интеллигентной семьи, но денег в ней отродясь не водилось, зато привычку жить не хуже жениной родни Валерий Юрьевич очень быстро впитал в себя, не получив тем не менее навыков самостоятельного создания необходимого уровня благополучия.

– Я намекаю, Анжелочка, что вы с Валериком уже не первый год с повышенным интересом следите за состоянием здоровья Вольдемара Сигизмундовича, поскольку сами зарабатывать не умеете, а он жестко обозначил границы дозволенных вам трат. Кому, как не вам, мечтать о наследстве? – бесстрашно глядя в глаза падчерицы, прочирикала Елена Сергеевна. А потом с видом утомленной примадонны повернулась к стоящей за спиной горничной и велела Лизавете налить ей коньяка.

Анжела, красная, как после оплеухи, начала хватать ртом воздух. Ирина же Александровна, окинув взглядом мужчин, стала тяжело подниматься из кресла.

Агриппина, предчувствуя неизбежность разгорающегося скандала, вжала голову в плечи и снова сжала пальцы. Скандалы она ненавидела, ругаться не умела, предпочитая либо решать проблемы мирно, путем логического решения вопроса и прихода к взаимовыгодному консенсусу, либо постыдно пасовала перед наиболее наглыми и напористыми оппонентами.

Елена Сергеевна в сложившейся ситуации оказалась в явном меньшинстве, но это ее, очевидно, ничуть не смущало.

– Алексей Николаевич, – обратилась она ласковым, слабым голосом к сидящему в кресле Сидоренко, – вы возьмете на себя хлопоты по устройству похорон? Я совершенно неспособна сейчас к каким-либо действиям. – И она слабо всхлипнула, одаряя мужа Ирины Александровны трогательным, беззащитным и несколько призывным взглядом.

– Конечно, Леночка, не волнуйся, – ожил безучастно молчавший дотоле господин Сидоренко. Он довольно проворно выбрался из кресла и, подсев к Елене Сергеевне, взял ее крохотную ручку в свою большую, пухлую ладонь, другой ладонью утешающе-неловко похлопывая несчастную вдову по плечу.

Ирина Александровна с Анжелой при виде ловкого и эффективного маневра соперницы налились свекольной краснотой. Теперь перед Ириной Александровной стояла дилемма – броситься на Елену Сергеевну или сперва вернуть на место потерявшего ориентацию супруга. Принять решение она не успела.

Дверь, ведущая в парадную анфиладу, распахнулась, и в комнату почти вбежал бледный, возбужденный сотрудник охраны. Все секьюрити в этот вечер были облачены в черные костюмы и длинные плащи с капюшонами, а на Сокольском был надет черный бархатный камзол с огромным, как блюдо, белым гофрированным воротником. Он изображал то ли герцога де Гиза, то ли Генриха Четвертого. Агриппина удивилась сама себе: о каких глупостях она сейчас думает, когда отец все еще лежит на террасе, придавленный каменным монстром. Бабушка была права: этот уродливый, вычурный дом принес им беду.

Вошедший охранник зашептал что-то Сокольскому. Тот, слушая подчиненного, стремительно менялся в лице. А в следующую секунду распахнулись двери напротив, и на пороге сюрреалистичной гостиной появился... новопреставленный Вольдемар Сигизмундович Начинкин. В своем обычном строгом костюме, при галстук, подтянутый и грозный. Елена Сергеевна поперхнулась коньяком и истерическим вскриком, Феликс закричал, а Гриппа перестала дрожать.

– В чем дело? Что здесь происходит? – сурово спросил хозяин дома.

Голос Вольдемара Сигизмундовича звучал требовательно-недовольно, и Гриппа, с детства робевшая перед отцом, когда тот бывал в плохом настроении, сразу ответила, не дожидаясь повторного окрика:

– Ты умер.

– Что за чушь... – отмахнулся Начинкин. – Я спрашиваю, что происходит? Отвечай, Артем.

Надо отдать ему должное, Сокольский мямлить не стал. Креститься и недоуменно хлопать глазами тоже. Он спокойным, решительным голосом предложил восставшему из мертвых имениннику пройти в соседнюю комнату для объяснений.

Остальные с застывшими от вторичного потрясения лицами молча смотрели им вслед.

– Вот тебе и похоронили! – крикнул Сидоренко, потянувшись к графину с «Хеннесси». – Ну, Волька дает!

Елена Сергеевна в который раз икнула.

Глава 3

В особняке Начинкиных накрыли поздний завтрак. Горничные с красными от недосыпа и слез глазами обслуживали скромную трапезу. Кроме самого хозяина и его жены, за столом сидели обе его дочери, зять, первая жена с супругом и семейство его доверенного лица Пофистала Тарасовича Тиховлиза в полном составе.

Никто вчера по домам не поехал. Полиция почти до утра вела опросы свидетелей, несколько раз беседовала с каждым из присутствующих. Допрашивала до рассвета прислугу. В конце концов, гостей отпустили.

«Похоже, эта проклятая вечеринка дорого нам обойдется. Кто теперь захочет ехать в дом после такого кошмарного происшествия? И дело не в убийстве хозяина особняка, которого, как выяснилось, не случилось, а в тех неудобствах, которые проистекали от близкого общения с полицией. Хотя те и старались изо всех сил проявлять корректность, но чего ждать от людей в форме? Они ведь не из Скотланд-Ярда, где им манер набраться...» Вот о чем горестно рассуждала госпожа Начинкина, без аппетита поглощая геркулес со свежей черникой.

Вчера, когда шок от произошедших событий отступил, стало известно, что произошло чудовищное недоразумение.

За полчаса до начала вечера, когда Вольдемару Сигизмундовичу пришло время облачаться в костюм, ему позвонили. Звонок был важный, отложить разговор миллионер Начинкин не посчитал нужным, но, чтобы не заставлять гостей ждать, именинник не придумал ничего лучше, как позвать своего водителя, молодого человека примерно одной с ним комплекции и отправить вместо себя на праздник. К костюму прилагалась латексная маска, и никто бы из собравшихся подмены не заметил, а позже мужчины поменялись бы костюмами, и Вольдемар Сигизмундович незаметно присоединился к гостям.

Таким образом, уродливая каменная горгулья погребла под своими обломками не крупного, влиятельного бизнесмена Начинкина, а простого водителя, Никиту Евгеньевича Окаева, двадцати семи лет от роду. Стало это известно после прибытия полиции, когда сотрудники следственной бригады, произведя все необходимые действия, принялись освобождать труп из-под обломков. Тут-то и выяснилась личность убитого, о чем поведал Сокольскому примчавшийся в малую гостиную охранник за миг до того, как на пороге возник сам предполагаемый покойник.

Но все же, учитывая непростую, даже, можно сказать, щекотливую ситуацию, полиция сочла нужным гостей допросить. Ведь о подмене именинника никто из них не знал. Более того, даже семья бизнесмена об этом не догадывалась. А несчастный случай вполне мог быть организованным покушением. Конечно, контингент присутствовавших на празднике работы сотрудникам правоохранительных органов не облегчал. Финансовые воротилы, чиновники высокого ранга, депутаты, кое-кто из артистов, но только исключительно заслуженные, с репутацией гениев, короче, вся эта публика надувала щеки, намекала полицейским на возможные неприятности, отвечала сквозь зубы, едва снисходя до простых смертных, вынужденных лезть к ним со всякими глупостями. Да и сам хозяин дома, чудом избежавший в этот вечер смерти, жизни следственной группе не облегчал. Словно не о его драгоценной безопасности они заботились. В общем, вчерашний вечер никому из оказавшихся в доме-монстре граждан приятным не показался.

На рассвете, прежде чем покинуть место происшествия, начальник следственной группы имел приватную беседу с хозяином и главой департамента безопасности принадлежащего Начинкину холдинга, Артемом Георгиевичем Сокольским. И сообщил им, кто из присутствовавших на празднике гостей и членов семейства не имел алиби на момент гибели Никиты Окаева и на некоторый отрезок времени непосредственно перед таковым.

В этот список, помимо матери хозяина, проведеншей прошедший вечер в своей комнате у телевизора, вошли старшая дочь господина Начинкина с мужем и ее мать. Семейство Тиховлизов также не имело алиби, и как-то неуверенно и туманно рассказывало о своем местонахождении на момент убийства. За исключением Ильи Пофисталовича, который до момента трагического происшествия неотлучно находился при Гриппе. Хотя и не сказать, чтобы молодые люди были вместе, Тиховлиз-младший просто болтался с ней рядом. Но многие его видели и алиби подтвердили.

Вольдемар Сигизмундович, будучи человеком большого ума, удивительной прозорливости и недюжинного стратегического таланта, предпочитал держать друзей близко, а врагов еще ближе, поэтому все выше перечисленные особы были оставлены на ночлег в особняке, и сейчас они, невыспавшиеся, с кислыми лицами, находились за столом.

Утро этого серого осеннего дня застало Агриппину у окна ее спальни, сидящей в кресле-качалке. Завернутые в плед босые ноги девушки давно уже заledenели, и вся она, сжавшаяся в комок, укутанная в ангорский плед, сотрясалась от мелкого нервного озноба. Ее комната в новом особняке родителей была обставлена хоть и уютно, но, на Гриппин вкус, слишком кричаще. Чувствовалась мамина рука. Позолота, резная кровать с балдахином, украшенная перламутром и слоновой костью, росписи на потолке, исполненные модным московским художником, лепнина, хоть и выдержанная в стиле модерн, но все же слишком вычурная. Больше всего комната напоминала покои сумасшедшей принцессы-переростка. Слишком слащаво, слишком позолочено и шелковисто-воздушно. Не комната, а беэ с кремом. Единственное, что радовало Гриппин взгляд в этой роскошной комнате, это вид из окна – ало-золотой осенний сад был чудесен. Даже пелена мелкого холодного дождя не портила пейзаж, а скорее прибавляла ему прелести. И, уж конечно, идеально гармонировала с Гриппиным настроением.

Вчера вечером, когда отец, живой и невредимый, появился на пороге гостиной, Гриппа чуть ли не впервые в жизни публично дала выход своим эмоциям. Едва мысль о том, что папочка жив, достигла ее сознания, девушка вскочила на ноги и с громким, пронзительным криком бросилась ему на шею. Вольдемар Сигизмундович, уже стоявший в дверях гостиной, кажется, испытал не меньший шок, чем его дочь минутой раньше; столь несвойственно было Гриппе подобное поведение. Но в тот момент ей было не до приличий. Она рыдала и смеялась, сжимая в объятиях отца. Мигом позднее, замешкавшись лишь на долю секунды, к ней присоединилась Елена Сергеевна. Но ее поведение как раз укладывалось в привычные рамки.

Успокоив обеих женщин, несколько растроганный Вольдемар Сигизмундович смог наконец последовать за Сокольским, а Гриппа с родственниками осталась в гостиной отмечать счастливое избавление главы семьи от злого рока.

Елена Сергеевна, переполненная эмоциями, порхала по гостиной. Алексей Николаевич велел принести шампанского, Ирина Александровна говорила что-то подобающее случаю, Ангела сюсюкала с Феликсом – в том смысле, что дедуля жив, вот радость-то! Валерий Юрьевич одну за другой налил себе две порции коньяка и молча выпил.

Про несчастного молодого человека, погребенного под каменным монстром, никто не вспоминал.

Потом началась какая-то суэта. Пришлось провожать гостей. Елена Сергеевна вначале рассматривала возможность продолжить вечеринку, но Вольдемар Сигизмундович категорически воспротивился.

Позже оставшиеся в доме ужинали узким кругом за пышным праздничным столом. Присутствовавшие чувствовали себя неловко, пили за здоровье спасенного Вольдемара Сигизмундовича. Поздравляли с днем рождения. Тут же оговаривались, что праздник был омрачен, и выпили рюмку за упокой Никиты Окамова. В общем, все чувствовали себя глупо и неудобно. Тем более что сам именинник держался отстраненно и их положения не облегчал.

По Гриппиным наблюдениям, чувствовали себя комфортно в этих обстоятельствах лишь Алексей Николаевич и Артем Сокольский. Последний, кажется, полагал, что находится при исполнении, и потому на эмоциональный фон за столом не реагировал.

После ужина Гриппе пришлось занимать беседой надоедливых Тиховлизов, которым отец зачем-то велел остаться. Особенно в этот вечер ей был неприятен сам Пофистал Тарасович. Тот все время прохаживался по гостиной, нервно потирая крошечные для человека его сложения ручки, которые напоминали Гриппе передние лапки динозавра. Его лысая приплюснутая голова с жиденьким венчиком кудрявых волос, словно подвешенных за уши, как новогодняя гирлянда на елке, мелко тряслась от сотрясавшего мужчину нервного смеха. Господин Тиховлиз без конца превозносил счастливый случай, сохранивший для них для всех Вольдемара Сигизмундовича, и отдавал должное провидению, которое, вопреки расхожему мнению, он всегда почитал не слепым, а зрячим, и делал прочие уместные заявления. Нина Андреевна суежилась меньше, зато все время подталкивала к действиям Илью, предлагая ему то угостить Гриппу шампанским, то подать ей фрукты, то положить девушке под ноги подушку. Илья под мамочкиным руководством с каким-то неуместным энтузиазмом ухлестывал за Гриппой, чем вызывал ее брезгливое недовольство. Хорошо хоть Катерина с явной скукой на лице зевала на диване и никого не доставала.

Мать, сославшись на мигрень, ушла к себе. Анжела укладывала Феликса. Отец был в своем кабинете, супруги Сидоренко расположились в курительной, Валерий куда-то запропастился, а Гриппа с каким-то овечьим смирением все развлекала ненавидимое ею семейство Тиховлизов. Сокольский, по-прежнему одетый в нелепый черный костюм с белым блюдом жабо вокруг шеи, мелькал временами между кабинетом отца и китайской гостиной, в которой Елена Сергеевна позволила полицейским устроить свой временный штаб.

Агриппину, как и прочих, по несколько раз опрашивали, уговаривали вспомнить, подумать. И к четырем часам утра довели до того, что Елена Сергеевна, потеряв терпение, попросту указала полицейским на дверь. На удивление, те немедленно и безропотно покорились.

Все наконец-то разбредлись по спальням. Был уже пятый час, но, несмотря на смертельную усталость, заснуть Гриппе не удалось – сказывалось нервное перевозбуждение. Тогда, закутавшись в плед, она уселась у окна и стала ждать рассвета, надеясь, что сможет задремать под мерное качание кресла. Не помогло.

К завтраку девушка явилась разбитая, бледная, с раскалывающейся от боли головой. Но спуститься ей пришлось – отец почему-то пожелал видеть за столом всех. Эту его причуду многие, кажется, восприняли как акт садизма. Во всяком случае, безмятежный обыденный вид за завтраком имели лишь трое – сам Вольдемар Сигизмундович, его верный оруженосец Сокольский и Алексей Николаевич, в принципе отличавшийся завидным добродушием и пофигизмом, которые тем не менее не помешали ему достичь в жизни весьма внушительных финансовых и прочих успехов. Остальные то и дело бросали на хозяина дома тревожные, недобрые взгляды.

Бабушка, Галина Станиславовна, счастливо проспав все вчерашние события, лишь утром узнала, какая трагедия едва не обрушилась на семейство Начинкиных, а потому глубоко не переживала и с утра была свежа, как роза. Пожилая дама с аппетитом позавтракала и сейчас отбыла на утренний моцион, похрустывая крахмальной белой блузкой в оборочках, украшенной неизменной брошью, воплощая собою – как минимум внешне – образец советской педагогики.

Елена Сергеевна, в шелковой пестрой блузке с широкими рукавами, в строгих, но очень узких черных брюках, сидела за столом, мученически закатывая умело подкрашенные, огромные, как у актрис немого кино, глаза, то и дело взмахивая руками, отчего становилась похожей на пеструю бабочку. Ее тонкие пальчики были изящно сложены венчиком, а золотисто-русые волосы легкими, беспорядочными завитками окружали прекрасное лицо. Гриппа была уве-

рена, что мама потратила на прическу не менее часа. Образ Елене Сергеевне удался, выглядела она хрупкой, даже какой-то ломкой, очень ранимой и трогательно беззащитной.

Вольдемар Сигизмундович время от времени бросал на жену чуть насмешливые, но снисходительные взгляды, как на любимого расшалившегося ребенка. Поэтому у Ирины Александровны то и дело сводило челюсть, а ее алые, крепкие, как сталь НУ-80, ногти отбивали нервную дробь на поверхности стола и, того и гляди, могли нанести непоправимый урон его полировке. Стол был выполнен из редких пород дерева и изготовлен в Италии на заказ, специально для столовой господ Начинкиных, и стилистически идеально подходил к декору гостиной. И Елена Сергеевна, опасавшаяся, как бы он не был испорчен, время от времени бросала тревожные, полные скрытого раздражения взгляды на свою предшественницу.

Златокудрая Анжела в это утро была полностью поглощена налаживанием отношений деда с будущим наследником.

– Феликс, дорогой, ты уже рассказал дедушке про олимпиаду по английскому? – щебетала она, приторно улыбаясь отцу.

– Да, – недовольно буркнул в ответ Феликс, невыспавшийся, все еще бледный от недавних переживаний и надутый.

– Он занял в районе первое место! – похвасталась Анжела.

Феликс пока посещал элитную языковую гимназию, но по окончании начальной школы должен был отбыть на обучение в Англию. Дедушка уже подобрал для внука достойное заведение и теперь живо интересовался его успехами в английском.

– Феликс, а ты рассказал дедушке про теннисный турнир? – не успокаивалась счастливая мать.

– Да, – хмуро пробурчал Феликс, не ценивший ее титанических усилий. – Два раза.

– Он занял первое место в своей возрастной группе! – продолжала хвастаться Анжела.

– В районных соревнованиях? – влезла с неуместным любопытством Гриппа.

– В нашем клубном турнире, – поджав недовольно губы, ответила родительница мальчика. – Недавно у них в школе задали сочинение на тему «Герой моей семьи», и Феликс написал о тебе, папа. Его работа была отмечена как лучшая.

– Почему же не о прадеде? Сигизмунд Александрович был летчиком, защищал блокадный Ленинград. Почему ты о нем не написал? Это было бы гораздо уместнее, – недовольно нахмурил седоватые прямые брови Вольдемар Сигизмундович. – Ты, что же, прадеда своего не знаешь?

– Он знает, – поспешила исправить оплошность Анжела.

Валерий Юрьевич, молча наблюдавший за женой все это время, злорадно усмехнулся.

– Им была дана узкая задача – упомянуть в сочинении лишь ныне живущих родственников, – врала во спасение Анжела.

Феликс посмотрел на мать с искренней укоризной. Никакого сочинения о родственниках в школе не задавали. И в любом случае его работа лучшей стать никак бы не могла, поскольку он редко получал за грамотность оценку выше тройки. А уж о содержании и говорить не приходилось.

– Глупость какая-то, – подвел черту в разговоре с дочерью Вольдемар Сигизмундович. И повернулся к Агриппине: – Когда у тебя защита?

– В марте, – опустив глаза в тарелку, на которой лежала пышная, свежая, густо намазанная деревенским маслом булочка, ответила Гриппа.

Из всех присутствующих дам лишь она одна позволяла себе подобные деликатесы. То есть булочки с маслом и сыром, с салями, с домашней бужениной, повидлом и с чем угодно еще. Остальные, включая и семидесятишестилетнюю бабулю, сидели на диете.

– Все хорошо? Проблем нет? Может, помощь нужна? Какие-то дополнительные материалы? – озадаченно хмурил лоб Вольдемар Сигизмундович. – Какая у тебя тема, я забыл?

Гриппа едва сдержала улыбку. Ни папочка, ни кто другой в доме, даже сто раз услышав название ее диссертации, ни в жизнь бы не поняли, о чем речь. И даже повторить бы это название не смогли. Но отцу она ответила спокойным, бесстрастным голосом:

– «Верхние оценки размерности Хаусдорфа отрицательно инвариантных множеств и аттракторов коциклов».

– Каких тракторов и мотоциклов? – заинтересованно спросил Феликс, глядя на Гриппу с уважением.

– А-тракторов, милый, – объяснила ему ласково Ирина Александровна. – Вот уж не знала, что ты, Гриппа, тракторами увлекаешься.

В голосе бабушки ребенка слышалась плохо скрытая усмешка.

Но Гриппа по своей наивности ее не разглядела, а простодушно пояснила:

– Не тракторов, а аттракторов. Это компактное подмножество фазового пространства динамической системы, все траектории из некоторой окрестности которого... – Гриппа принялась растолковывать Феликсу суть таким тоном, словно рассказывала детский стишок.

Присутствовавшие за столом дамы смотрели на бедняжку с сожалением, мужчины – с испугом. Сокольский не смотрел на нее вовсе.

Гриппе не удалось закончить свое захватывающее повествование об аттракторах – ее плавную речь прервала резкая, похожая на звонок будильника трель.

Сокольский, промокнув салфеткой жирные после омлета с беконом губы, достал из кармана телефон и, взглянув на дисплей, сухо ответил на вызов:

– Сокольский слушает. – А спустя минуту произнес второе слово: – Да.

Собравшееся за столом общество тем временем несколько суетливо принялось угощать друг друга фруктами, соками и булочками, но лица всех присутствовавших за столом выдавали тщательно скрываемое за суетой любопытство.

Наконец Сокольский произнес третье слово: «Понял». И отключился.

Участники семейного завтрака затаились. Какое-то, наверное, шестое чувство безошибочно подсказало им, что речь идет о вчерашнем происшествии.

– Звонил полковник Селедкин, – обращаясь к Вольдемару Сигизмундовичу, заговорил Сокольский. – Только что пришли данные экспертизы. Падение горгульи не было случайным. На основании экспертизы следственным комитетом открыто дело по факту убийства Никиты Евгеньевича Окамова.

Вольдемар Сигизмундович молча кивнул главе своего департамента охраны и со змеиной улыбкой на устах обвел глазами присутствующих.

Все, ощутив себя неудобно, зашевелились.

– Значит, на бедного мальчика специально этого монстра столкнули? – незаметно прокашлявшись, спросила Анжела.

– Да, – коротко кивнул Сокольский, возвращаясь к омлету.

– Но с чего такая уверенность? – нервно пожала плечами Ирина Александровна. – Каменные уроды так опасно свисают с карнизов, что того и гляди все попадают не сегодня завтра.

– Ничего подобного! – визгливо возразила Елена Сергеевна, необъяснимо ощущавшая свою вину в гибели молодого человека. – Они были закреплены как надо. Их устанавливали люди из нашей фирмы. Правда, Волик?

– Да, – кивнул Вольдемар Сигизмундович, наливая себе вторую чашку зеленого чая.

– Как и кто смог бы столкнуть такую громадину? – поинтересовалась Гриппа, невольно включаясь в общую беседу.

– Скульптура была выполнена из архитектурного гипса. Это материал достаточно пластичный, но тяжелый и хрупкий, – пояснил, не глядя на девушку, Сокольский.

– Боже мой! Ну прямо Средневековье какое-то! – всплеснул руками Валерий Юрьевич. – Елена Сергеевна, вам надо было обратиться ко мне, а не нанимать профанов. Сейчас никто не использует гипс или бетон. В подобных случаях применяют пенополистирол.

– Пенопласт, что ли? – повернулась к мужу Анжела.

– Пенопласт? Боже, какая дешевка! – захлопала длинными ресницами Елена Сергеевна. – Нет, нет, мы все делали по высшему разряду. А кстати, Валерик, как твой коттеджный поселок? Вы уже закончили? Дома хорошо распродаются? Я все собираюсь заехать взглянуть, ты столько нам о нем рассказывал! – продолжала щебетать бывшая балерина.

Валерий Юрьевич тут же помрачнел и исподлобья взглянул на свекра. Но тот, кажется, к разговору не прислушивался, а сидел, глядя в окно с отрешенным видом.

– Нормально, – буркнул Коробицкий и откинулся на спинку стула, давая понять, что разговор о его бизнесе окончен.

– Если бы статуи были закреплены как надо, горгулью никто бы с места не сдвинул, – решила продолжить неприятную для хозяйки дома тему Ирина Александровна. – С Эрмитажа еще ни одна скульптура не упала.

– А ты откуда знаешь? – язвительно поинтересовалась Елена Сергеевна. – И кстати, сбросить горгулью мог тот, кто хорошо разбирается в строительстве, что из чего там делают и как с ним обращаться. – И хозяйка дома кинула недвусмысленный взгляд на притихшего Валерия.

– Ты на что намекаешь? – раздула ноздри Ирина Александровна. – Что падение статуи дело рук моего зятя?

– Ну что ты, дорогая, как можно! У него ведь алиби наверняка есть. Или нет?

При этом невинном вопросе Ирина Александровна, Валерий и Анжела втроем, как по команде, повскакивали с мест. Миниатюрной хозяйке дома, несомненно, грозила кулачная расправа. Но Нина Андреевна Тиховлиз, на протяжении всего завтрака молча наблюдавшая за сотрапезниками, сочла момент подходящим для вмешательства. И громким, хорошо поставленным голосом протрубила перемирие:

– Дамы! Произошло, безусловно, какое-то недоразумение, и никто никого не обвиняет. Думаю, случившееся накануне нас всех тяжело ранило, мы все перенервничали, но не стоит терять лицо. Валерий, успокойтесь, дорогой, уверена, что Еленочка Сергеевна никого не хотела обидеть. Садитесь. Пофистал Тарасович, налей Ирине Александровне еще кофе. Катя, передай Валерию Юрьевичу лимон. Сегодня с утра такой мрачный дождь! Восхищаюсь Галиной Станиславовной – выйти на прогулку в такую погоду... Выдающаяся женщина!

Произнося свой энергичный монолог, мадам Тиховлиз успела всех рассадить по местам, при этом не сводя косога взгляда с хозяина дома. Мол, оценил тот или не оценил ее усилия? Ибо все действия достойной матроны были направлены лишь на одно – дабы выслужиться, проявить себя, снискать его одобрение. Положительный образ семьи Тиховлиз был ее визитной карточкой, ее брендом. Но миротворческая миссия Нины Андреевны, увы, с треском провалилась. Едва она закрыла на секунду рот, чтобы набрать воздуха, Ирина Александровна вновь бросилась в атаку.

– Если кто и виноват в происшедшем, так это ты! – ткнула женщина пальцем в сидящую напротив Елену Сергеевну. – Развесила уродов по всему фасаду! Надежный дом, называется... Да дай тебе волю, ты бы его из фанеры построила и фантиками обклеила! Кукла театральная!

Выглядело ее выступление безобразно. Вульгарно, вызывающе, оскорбительно.

Агриппина сидела, втянув голову в плечи, и старалась не смотреть по сторонам.

Вольдемар Сигизмундович оторвал взгляд от пейзажа за окном и обратил его на происходящее за столом.

Елена Сергеевна едва слышно всхлипнула.

– Я... я, пожалуй, пойду. Позвоню гостям. Успокою их, что имело место убийство, а не несчастный случай. – Она растерянно, влажными от слез глазами взглянула на мужа и подня-

лась. – Вдруг люди и вправду подумали, что дом ненадежен и больше бывать у нас не захотят, побоятся?

Хозяйка стремительно вышла из-за стола и быстро зацокала тоненькими каблучками, удаляясь из столовой.

– Ирина! – раздался холодный, резкий голос Вольдемара Сигизмундовича. – Я требую, чтобы ты не забывалась и не смела оскорблять мою жену, да еще и в ее собственном доме.

– Чем мне указывать, лучше за своей балериной следи. Я тебе никто и нечего меня жизни учить. Ясно? – решительно отбрила его Ирина Александровна на правах бывшей, ныне финансово независимой от него жены.

– Ты мать моей дочери и бабушка моего внука. И на этом основании я буду тебе указывать, – грозно свел брови Вольдемар Сигизмундович.

Остальные, уткнув носы в тарелки, испуганно молчали.

– Алексей, ты что, позволишь ему меня жизни учить? Что он себе вообразил? – пылала Ирина Александровна праведным гневом.

– Да ладно вам, ребята, помиритесь! Ирка, успокойся, – махнул рукой жене добродушный Алексей Николаевич. – У Вольки вчера тяжелый день был, а тут еще ты со своими бабскими штучками. Ну, наговорили друг другу сгоряча, а теперь забыли. Выдохни. – И он беззаботно рассмеялся, предложив не делать из мухи слона.

– Ну, знаешь! Я здесь ни секунды не останусь! – Ирина Александровна резко отодвинула стул и пулей вылетела из столовой.

– Женщины... существа эмоциональные... – развел руками Алексей Николаевич. – А ехать и правда надо.

– Пожалуй, мы тоже двинемся, – заторопилась Анжела, беря за руку сына.

– Феликс останется, – распорядился Вольдемар Сигизмундович. – Я его в понедельник сам в гимназию отвезу. А вы можете ехать. Вещи, необходимые для школы, пришлешь с водителем, – велел бизнесмен, и его дочь кивнула, едва сдерживая досаду.

– Феликс, детка, останешься у бабушки?

– Да! – с энтузиазмом согласился ребенок. Еще бы, два ближайших дня сулили ему немалые дивиденды: телевизор до ночи, всякая вкуснятина на обед, завтрак и ужин, поездка верхом, новые игрушки, стрельба из собственного ружья. И, возможно, какой-то сюрприз. Дед хитро подмигнул внуку.

– Наверное, и нам уже пора, – скромно улыбнулась Нина Андреевна, поднимая свое семейство.

– Пофистал, в понедельник в восемь у меня, – распорядился вместо прощания Вольдемар Сигизмундович.

Пофистал Тарасович раболепно склонился в быстром низком поклоне.

Агрипина покорно встала из-за стола и отправилась провожать гостей.

Глава 4

Артем Георгиевич Сокольский сидел в своем кабинете. Был понедельник, время близилось к обеду, за окном сыпал тоскливый мелкий дождь. Делать ничего не хотелось, а хотелось поехать на дачу, растопить камин и отключить телефон. Чувствовал себя Артем Георгиевич этим ноябрьским днем столетним старцем. С тех пор как три года назад они с Татьяной разошлись, у него как-то потерялся интерес к окружающему. Была семья – были и стремления, а нет семьи, и стремиться вроде как незачем и некуда. Хотя Сокольский по привычке полностью отдавался работе, по привычке проявлял признаки честолюбия и служебного рвения, поскольку любил свою работу, но вот глубинного энтузиазма во всем этом не было. Он достроил дачу и вдруг полюбил ездить туда. Зато разлюбил встречаться с друзьями. Глупость, конечно. Но почему-то интерес к жизни у Артема угас.

Сокольский иногда задумывался, почему так произошло, и в начале даже боялся, что все еще любит жену и тоскует по ней. Но потом понял, что давно уже ничего к Татьяне не чувствует. Просто его прежние мечты и планы на жизнь вдруг рухнули, новыми же он до сих пор не обзавелся. А если не знаешь цели, то к чему стремиться? Вот он и не стремился.

В молодости Артем хотел жениться на любимой девушке, обустроить дом, что называется, полную чашу, завести детей. Женился, обустроил, а вот завести не успел. Жена опередила – завела любовника. Сокольский об этом узнал, и они развелись. Предпринимать вторую попытку желания не возникло. Может, потому что женщина, которую бы смог полюбить, как-то не встречалась. Или разочаровался в прежних своих идеалах? Кто знает.

Но вот сейчас сидел он у себя в кабинете, смотрел в серое от дождя окно и чувствовал себя пустым, одиноким и ни к чему не способным. Последнее было скверно, потому что именно сейчас перед ним стояла непростая задача. Ему требовалось вычислить, причем в одиночку, несостоявшегося убийцу шефа. Подключать к расследованию подчиненных было нельзя, поскольку в деле фигурировали самые близкие боссу люди – его старшая дочь, зять, бывшая жена, первый заместитель со своим семейством, еще недавно пользовавшийся неограниченным доверием, и, возможно, компаньон. С последним все было особенно сложно.

Артем Георгиевич крутанулся в кресле и, повернувшись спиной к окну, а лицом к рабочему столу и двери, взял в руки мелко исписанный резким угловатым почерком лист.

Шел второй день, как Сокольский пытался решить сей ребус. Пока, надо признать, не очень успешно. Задавать в открытую вопросы заинтересованным лицам он не мог. А сведения, которые сумел раздобыть окольными путями, мало что ему давали. Очевидные мотивы убийства имелись не у всех. Вот, например, у Ирины Александровны такового вроде не было, но это не значило, что его не имелось вовсе. Просто сам Артем Георгиевич пока еще недостаточно хорошо изучил эту даму и обстоятельства ее нынешней жизни.

Хорошо все же, что нынешняя жена Начинкина и его младшая дочь имеют твердое алиби. Раскрывать их Сокольскому было бы опасно. Привычку, так сказать, убивать гонца, принесшего плохие вести, еще никто не отменял. А Артем прекрасно знал, как сильно привязан шеф к своей нынешней жене, и если бы разочаровался в ней, такое ни для кого бесследно не прошло бы.

Глава департамента охраны холдинга задумчиво потер лоб.

А вот у старшей дочери шефа, Анжелы, и ее мужа мотивы налицо – у Валерия Корибицкого с треском провалился очередной проект. Деньги инвесторов потрачены, работы по возведению коттеджного поселка не закончены. Покупателей на недостроенные дома не найти днем с огнем. Тем более что Валерий со свойственным ему легкомыслием заранее не уточнил некоторые детали, а именно – открытие в ближайшее время в непосредственной близости от задуманного им элитного коттеджного поселка класса «люкс» большого складского терминала

со всеми вытекающими отсюда «прелестями», как то – поток большегрузных фур и выхлопные газы.

Это был уже не первый провальный проект начинкинского зятя, и прежде Вольдемар Сигизмундович брал ликвидацию последствий его предпринимательской деятельности на себя. Но в этот раз категорически отказался. То ли решил проучить дорогого зятя, то ли просто надоело. Решающий разговор между родственниками состоялся непосредственно перед началом праздника и закончился конфликтом. Стороны вышли из себя, наговорили лишнего. Валерий покинул хозяйский кабинет в состоянии крайнего раздражения, не сказать, что бешенства. Сокольский столкнулся с ним в коридоре и мог оценить обстановку на основании собственных выводов. Потом Коробицкий загадочным образом исчез из поля его зрения. И никаких вразумительных объяснений по поводу своего отсутствия не предоставил. Сказал лишь, что должен был успокоиться, поэтому прошелся немного по саду, а когда раздались крики, тут же вернулся к террасе. Может, да, а может, и нет, заключил Артем, постучав ручкой по листу.

Далее – его супруга Анжела. У той интерес прямой. Собственных денег у дамочки нет, живет на подачки отца и матери. Но мать тоже без личных средств, все время тянет денежки из мужа. Так что особо не разгуляешься. К тому же Валерий своими выходками портит ее отношения с отцом. Смерть Вольдемара Сигизмундовича позволила бы Анжеле обрести свободу и независимость. Наверняка он оставил бы и ей, и внуку Феликсу достаточно. Новый провал Валерия мог ее напугать. Вдруг отец рассердится и изменит завещание, решив наказать их обоих? Да и отношения с мужем, насколько смог выяснить Артем, у Анжелы в последнее время испортились. Возможно, женщина рассчитывала на развод после получения наследства. Одним словом, мотивы есть, и весомые. Свое отсутствие Анжела Вольдемаровна объясняла просто – искала мужа. Что ж, возможно.

Теперь Тиховлизы. С этими все более-менее понятно. Пофистал Тарасович имел более чем весомый повод для ликвидации своего благодетеля. Некоторое время назад их холдинг понес большие финансовые потери, которые связаны с присоединением к холдингу одного крупного перерабатывающего комбината. На подготовку этого присоединения были потрачены крупные суммы, разработаны определенные проекты, затрачено время и задействованы связи, и вот когда все уже было на мази, сделка сорвалась. Вмешались конкуренты и, изыскав неожиданно необходимые ресурсы, подобрали комбинат под себя. Это могло у них получиться лишь в том случае, если среди близких Вольдемару Сигизмундовичу людей нашелся предатель, снабдивший их нужными сведениями за хорошие деньги. Артем Георгиевич провел расследование и выяснил, что утечка информации происходила не от кого иного, как от Пофистала Тарасовича, который вопросом приобретения комбината и занимался. Известно это стало накануне злополучного дня рождения.

Дальнейшая судьба Пофистала Тарасовича была неопределенна и тревожна. Сам господин Тиховлиз не понимать своего положения не мог. И его мотивы для устранения главы холдинга особенно весомы. А жене его, даме решительной и волевой, полностью держащей мужа под каблуком, мужества и напористости не занимать, и не исключено, что на подобный кардинальный шаг могла отважиться именно она. То есть Тиховлиз, как и говорил, тихо напивался в своей комнате, а его дражайшая половина орудовала на крыше. Дом Начинкиных семейство Тиховлизов знало как свой собственный гораздо лучше, чем Ирина Александровна и Валерий Коробицкий. Но доказательств опять-таки не было.

Как назло, ни одного из них в момент преступления никто не видел. Прислуга была занята на первом этаже, лестница на чердак находится на третьем, как и апартаменты гостей.

Совсем непонятно, где находилась и что делала во время убийства Екатерина Тиховлиз. Ее также нигде на виду не было. О месте своего пребывания она сообщить отказалась. Имеются ли у нее мотивы?

Артем Георгиевич прикрыл глаза, вспоминая дочку Тиховлизов. Любопытная девица... Смазливая, среднего роста, средней комплекции, но с формами. Внешне похожа на отца, но характером, безусловно, пошла в мать. Екатерина недавно окончила филфак и сейчас ничем конкретным не занималась, если не считать ловли жениха. Не пропускает ни одной тусовки. Однако никаких скандалов или громких романов за ней не числится.

Больше ничего о ней Сокольский не знал. Надо будет подсобрать сведения. Хотя мотив у нее, возможно, имеется. Если барышня в курсе отцовских неприятностей, то вполне могла озаботиться собственным, неотъемлемым от родителя благополучием и на свой страх и риск отважиться на убийство. С этой семейки станется.

Вопрос в другом – откуда красotka могла узнать о сценарии вечера? Подробности праздничного действа держались Еленой Сергеевной в строжайшей тайне. Помимо прислуги, с которой он, безусловно, побеседует с пристрастием, о деталях маскарада, кроме Елены Сергеевны, знали сам Начинкин, его мать и, вероятно, Агриппина. Ни хозяйка, ни Вольдемар Сигизмундович никому ничего не сообщали. Остаются Галина Станиславовна и младшая дочь хозяина. Придется с ними побеседовать.

В Петергоф Артем Георгиевич отправился во вторник с утра. Встреча с дочерью Вольдемара Сигизмундовича ничего приятного не сулила, а такие дела Артем не любил откладывать на потом. Разговор предстоял чисто деловой, и он решил, что подобный лучше вести на работе, где атмосфера располагает.

Агриппина Начинкина училась в аспирантуре математико-механического факультета. Господи, нормальному человеку и не выговорить! Девушка ведет на факультете какие-то семинары с непроизносимыми названиями у студентов-первокурсников. По мнению Сокольского, Гриппа точно особа с тараканами в голове. При папенькиных-то деньгах предпочитает жить в обычной квартире, не бегает по тусовкам и шопингам, не встречается с себе подобной золотой молодежью, а с гордым презрением к простым смертным изучает никому не нужные формулы, одевается, как серая мышь, и подавляет окружающих интеллектом. Чего только стоили эти ее аттракторы в субботу за завтраком! Кто как, а Артем во время объяснений Агриппины почувствовал себя полным убожеством с мозгом мокрицы. А если барышня не рассуждает о материях, никому, кроме нее, не ясных, то большей частью молчит, не снисходя до общества. Временами Сокольскому казалось, что она просто жутко стесняется и не знает, куда себя деть. Но в редких случаях, когда Агриппина поднимала на кого-то глаза (еще одна ее неприятная особенность – не смотреть на собеседника), так вот, когда это случалось, взгляд ее выражал скорее презрение к ближнему, нежели стеснение.

А роман Гриппы с Ильей Тиховлизов... Вот уж парочка курам на смех! Сколько лет парень возле нее вьется, а она хоть бы знак какой подала или уж отшила, коль немил. Так нет, держит, как раскидай на резиночке. Надо – подтянет, не надо – отпустит. Хотя и сам Илья то еще сокровище. Находясь на зыбкой позиции запасного жениха, он не упускает случая гульнуть на стороне. Например, по сведениям Артема, последний отпуск Тиховлиз-младший провел на Мальдивах в обществе длинноногой, смазливой блондинки с огромной грудью. Интересно, Агриппина в курсе, или ей все равно?

Сокольскому подобные отношения казались нечистоплотными и вызвали у него искреннюю брезгливость. Какой смысл при таких деньгах разводить вокруг себя это моральное свинство, ему было непонятно.

Джип Сокольского остановился возле длинного серого здания с помпезным, украшенным мозаикой панно на тему «Наука – это сила» над входом.

Агриппина ждала в вестибюле. До начала семинара был еще час, и она пообещала ответить на его вопросы. По телефону Гриппа постеснялась спросить, что именно нужно от нее главе отцовской безопасности, и теперь сожалела о собственной бесхребетности. Возможно,

если бы сделала над собой усилие, им не пришлось бы встречаться лично, обошлись бы и телефонным разговором.

Сокольского девушка недолюбливала и побаивалась. Вернее, не то чтобы побаивалась, а чувствовала себя в его присутствии неуверенно. Они были знакомы уже лет пять или больше, но Агриппина до сих пор его стеснялась совершенно по-детски. Сокольский был старше ее лет на семь-десять, уже разведен и – хорош собой. Даже очень хорош. Помнится, когда Гриппе было лет шестнадцать, а Сокольский еще был женат на красавице Татьяне с густой копной каштановых кудрей и безупречными манерами, она даже влюбилась в него. С тех пор, наверное, и осталось это ощущение неловкости, хотя мужчина, разумеется, даже не догадывался о ее детских чувствах. Именно детских, потому что в отличие от своих сверстниц Гриппа была невероятно романтична, наивна и в сексуальном смысле совершенно неразвита.

Потом увлечение прошло, а неловкость осталась. Агриппина в принципе тяжело сходилась с людьми, а Сокольский всегда был с ней сух, сдержан, молчалив. Она не помнила, чтобы Артем хоть раз улыбнулся ей. Чаще всего главный секьюрити просто ее не замечал. Что и неудивительно. И вот теперь ему понадобилось спросить у нее что-то важное, ради чего он даже не поленился прокатиться в Петергоф...

Гриппа нервно поправила русский завиток за ухом и взглянула на мобильник. Часы показывали без трех десять, вот-вот должен появиться. Гриппа была уверена, что Сокольский никогда не опаздывает, и оказалась права. Стеклопакеты двери распахнулись, и в гулкое пространство мраморного вестибюля вошел Артем Георгиевич – высокий, подтянутый, в темном коротком пальто нараспашку, в бледно-розовой элегантной рубашке с чуть более темным галстуком. Смотрелся он шикарно. Если бы ее приятельницы сейчас увидели, какой красавец идет навстречу Гриппе, точно бы от зависти полопались. Но, к счастью, их здесь не было, а то потом вопросами замучили бы.

Глядя на Сокольского, Агриппина вдруг подумала: хорошо, что встреча с ним назначена на факультете. Здесь она чувствует себя увереннее. Здесь она взрослая, независимая, уважаемая коллегами, полноценная личность, а не богатенькая неудачница из особняка с горгульями, вызывающая вечную жалость и недоумение окружающих. И девушка расправила плечи.

Глава 5

В университетском вестибюле было просторно и немногочленно, наверное, поэтому Сокольский сразу же ее увидел. Агриппина стояла на лестнице и от этого, вероятно, казалась выше и значительнее. Черная длинная юбка и вязаный кардиган с простой, почти мужского покроя, белой блузкой очень ей шли.

Артем поднялся по лестнице и попытался улыбнуться девушке в знак приветствия. Не вышло. Почему-то ему было сложно улыбаться Агриппине, все равно что заигрывать с кладбищенским ангелом. И он просто кивнул.

– Мы можем побеседовать у нас на кафедре. Все сейчас на лекции, а секретарь наверняка отправится пить кофе, если поймет, что у нас важный разговор, – предложила после приветствия Гриппа.

Сокольский согласно кивнул, и она повела его по лабиринту коридоров и лестниц.

Как ни странно, но здесь, в стенах университета, Гриппа не смотрелась ни чопорной, ни заносчивой. Даже двигалась она как-то грациознее, легче, увереннее, чем дома. Артему вдруг вспомнилась ее яркая, изысканная мать. Пожалуй, Елена Сергеевна, так гармонично смотревшаяся в своем особняке, в этом интерьере выглядела бы, как выкрашенная под павлина курица. В то время как ее дочь преобразилась здесь из щипаной вороны в ясного сокола. То есть в соколицу. Вот что значит человек на своем месте!

Орнитологические размышления Артема были прерваны прибытием на место. Агриппина распахнула типовую деревянную дверь с названием кафедры и пропустила гостя вперед.

В помещении не было никого, кроме стоявшей у стеллажа барышни в узеньких брючках и длинной яркой пашмине на плечах.

– Марина, ко мне тут по делу зашли. Мы побеседуем здесь, если не возражаешь... – обратилась к ней Агриппина, попутно указывая гостю на вешалку в углу.

– Конечно, Агриппина Владимировна, я пойду пока кофейку попою, – согласно кивнула барышня и, прихватив со своего стола сигареты и зажигалку, быстро удалилась.

– Агриппина Владимировна? – приподняв брови, спросил Сокольский, усаживаясь за длинный стол.

– Так проще, – пояснила Гриппа.

Она уселась во главе стола, словно начальник на приеме, и Сокольский, пристроившись сбоку, неожиданно почувствовал себя просителем.

– Я вас слушаю, – добавила Агриппина официоза, в то же время давая понять, что она человек занятой и целый день ему посвящать не намерена.

Вот и славненько, решил Сокольский. И перешел к делу.

– Агриппина Вольдемаровна, у меня к вам важный разговор, и мне бы хотелось, чтобы он остался между нами. Единственный человек, с кем вы можете его обсудить, это ваш отец, – строго глядя ей в глаза, проговорил Артем.

– Вот как? Слушаю. – Кажется, Гриппе его секретность была до лампочки.

– Агриппина Вольдемаровна, в настоящее время я по поручению вашего отца занимаюсь расследованием обстоятельств покушения на его жизнь и гибели Никиты Окамова.

– А разве этим не полиция занимается?

– Полиция вряд ли сможет что-либо сделать. Когда речь идет о преступлении в столь высокой сфере, она оказывается фактически бессильна. Да и Вольдемару Сигизмундовичу не хотелось бы выносить сор из избы.

– Хорошо. Ну а я-то чем могу помочь?

– У меня к вам совсем простые вопросы, но очень важно, чтобы, прежде чем отвечать, вы хорошо подумали.

- Разумеется, я всегда думаю, прежде чем отвечать, – сухо произнесла Агриппина.
- Прекрасно.

«Самодовольная, самоуверенная, заносчивая зануда», – мысленно прокомментировал Артем. А вслух спросил:

- Вам был заранее известен сценарий праздничного вечера?
- Нет.
- Вы не знали, что именно планирует ваша мать?
- Нет.
- Не были в курсе, в какой костюм будет одет именинник?
- Я даже не знала, в каком костюме буду я.
- Как это возможно?
- Костюм заказывала мать. Со мной она не советовалась, а я ни о чем ее не спрашивала.
- И когда же вы его увидели?
- Когда начала переодеваться. Его принесли, достали из чехла, и я увидела.
- А если бы он вам не понравился? – не скрывая недоверчивой усмешки, спросил Артем.
- Кого это волнует? – пожала плечами Гриппа.

«Сумасшедшая! – мелькнуло у мужчины. – Остается удивляться, почему Начинкины ее специалистам не покажут. Женщина, которой все равно, что она наденет на праздничную вечеринку, точно сумасшедшая».

Сокольский молча смотрел на собеседницу, как на редкое насекомое. Отчего Агриппина испытала еще более острый приступ неприязни.

– Я ответила на все ваши вопросы. Тогда, думаю, вам пора, – поднимаясь, проговорила она холодным, как ноябрьский дождь, голосом.

– О простите! – встрепенулся, приходя в себя, Сокольский и встал. – Собственно, это был не сам тот вопрос, который я хотел прояснить, но если вы ничего не знали о празднике, то...

- Я сказала, что не знала о нем заранее.
- И что это значит? – не понял ее уточнения глава департамента охраны.

– Когда я приехала в дом родителей, мамочка тут же взялась за меня на пару со своим стилистом, которому помогала горничная, а они втроем только и делали, что, не закрывая рта, обсуждали готовящийся праздник. Но вряд ли это можно назвать «заранее».

– Так... – опускаясь обратно на стул, сказал Артем. Беседа начинала его сильно раздражать. – Значит, вы узнали сценарий праздника за... За сколько часов до его начала?

- Думаю за три или три с половиной.

– Вы обсуждали с кем-нибудь, кроме перечисленных лиц, подробности предстоящего маскарада?

– Нет. Я спустилась вниз, когда гости уже собрались, и почти ни с кем не разговаривала. И уж конечно, не раскрывала никому маминой «страшной тайны».

– Даже Илье Пофисталовичу? – неизвестно зачем задал бессмысленный и бестактный вопрос Артем и тут же неожиданно для себя покраснел.

- А при чем здесь Илья? – искренне удивилась Гриппа.

- Простите, я полагал, раз он ваш жених...

– Жених? Откуда такие сведения? У нас с Ильей отношения не более близкие, чем с прочими прибывшими на праздник гостями, – несколько раздраженно возразила Гриппа.

До нее только сейчас дошло: похоже, этот юркий тип, Илюша Тиховлиз, усердно распускает в обществе слухи об их несуществующей помолвке. Такое положение вещей просто оскорбительно! И ведь хоть бы раз она дала ему какой-то повод так полагать... Агриппина сидела, нахмурившись, и сверлила тяжелым взглядом стол.

«М-да, – подумал Артем Георгиевич, – кажется, я крайне мало знаю о фигурантах расследуемого дела».

Действительно, если он столь поверхностно судил о хозяйской дочери и ее мнимом женихе, возможно, ошибся и в отношении других участников истории. А вот это уже скверно. Ибо точный психологический портрет действующих лиц гарантирует правильное понимание мотивов их возможных поступков. Что ж, надо перейти от собственных предположений и предвзятых мнений к изучению этой компании Начинкины – Коробицкие – Тиховлизы. А возможно, и Сидоренко. У самого-то Алексея Николаевича алиби твердое, но его водитель не имеет такового вовсе. А это может говорить о многом.

Так рассудил Артем Георгиевич, после чего набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул через рот. А затем обратился к своей все еще угрюмой собеседнице:

– Агриппина Вольдемаровна...

Артем улыбался Гриппе легкой, вполне дружеской улыбкой. Девушка вскинула голову и замерла от удивления. Это было что-то для нее новенькое.

– Я знаю, как искренне и глубоко вы любите отца, – продолжил Сокольский, – а потому буду с вами предельно откровенен. Падение статуи было не случайным. Ее сбросили. Имела место умышленная попытка убить вашего отца. Поскольку никто из находившихся в доме не знал о том, что Вольдемар Сигизмундович временно отдал свой костюм водителю, попросив того заменить себя на открытии праздника, смерть Окамова можно считать роковой случайностью, спасшей жизнь вашему отцу. Его хотели убить, – еще раз повторил Артем, стараясь донести до собеседницы всю серьезность произошедшего. – И возможно, попытка повторится. Поэтому нужно срочно вычислить человека, покушавшегося на жизнь Вольдемара Сигизмундовича. К счастью, круг подозреваемых достаточно узок, но вычислить злоумышленника мне пока не удалось. Не хватает информации. Вы мне поможете?

Агриппина кивнула.

– Пожалуйста, вспомните, кому вы могли сообщить хоть какие-то подробности о празднике. Любые! Костюм отца, как ваша мать украсила залы, каких музыкантов пригласили. Что угодно!

Гриппа покачала головой, но Сокольский ее остановил.

– Не торопитесь. Подумайте. Может, это был ваш маленький племянник или его няня, ваша горничная. Бабушка, с которой вы просто хотели поделиться своим мнением...

Агриппина взглянула на сидящего рядом мужчину. Сейчас Сокольский выглядел взволнованным, даже возбужденным. Его глаза с надеждой и ожиданием смотрели на нее. Девушка вздохнула.

– Мне жаль вас разочаровывать, Артем Георгиевич, но я действительно ни с кем не говорила в тот вечер. Дело в том, что у меня нет друзей в окружении родителей. Я всегда неуютно себя чувствую на подобных сборищах и, как правило, ни с кем не общаюсь. Просто отбываю повинность. Я несколько раз отвечала людям, которые меня узнавали, но они в основном спрашивали, как мои дела, и тут же отходили.

– Никто не задавал вопросов об отце и готовящемся празднике? – с тающей надеждой повторил Артем.

– Нет.

– Что ж. – Поднимаясь, Сокольский взглянул мельком на часы. Сколько времени коту под хвост! – Если что-нибудь вспомните, мой телефон у вас есть. Рад был встрече.

Артем Георгиевич уже был в дверях, когда Гриппа вспомнила одну сценку, которую случайно наблюдала еще до приезда гостей.

– Постойте! – воскликнула девушка, вскакивая с места. – Анжела!

– Она спрашивала о празднике?

– Да. Но не меня. Было это часа за полтора до начала карнавала. Я сидела у себя полудетая. Стилист Владик убежал за украшениями, мама вышла на минутку отдать какие-то распоряжения и пропала, со мной осталась только Лиза, мамина горничная.

Потом ей кто-то позвонил, она извинилась и вышла. Мне жутко захотелось пить, а все куда-то пропали. Однако Владик запретил мне двигаться, лицо у меня было чем-то намазано, то ли перепелиными кашками, то ли соловьиной мочой.

Увидев выражение лица своего визави, Гриппа рассмеялась.

– Да, да, это ноу-хау нашего Владика. Знаете, иногда лучше не знать, какова цена женской неотразимости, – не очень ловко пошутила девушка. – В общем, все меня бросили. Пить хотелось ужасно, но показываться на глаза людям в таком виде мне не хотелось, и тут я услышала за дверью тихие голоса. Мне показалось, там Лиза, и я решила выглянуть за дверь. Но чтобы не напороться на кого-нибудь другого, едва приоткрыла щелочку и заглянула в нее. В коридоре, недалеко от комнаты Анжелы, действительно была Лиза. И она что-то прятала в тот момент в нагрудный кармашек. А в дверях своих апартаментов стояла Анжела и спрашивала ее громким шепотом: «Ты уверена?» – «Да, хозяйка сто раз при мне об этом говорила, – ответила ей Лиза. И, оглядевшись по сторонам этак воровато, добавила: – Только уж вы не проговоритесь никому, а то меня хозяйка за болтовню живьем поджарит». Мне их секреты были до лампочки, я прикрыла дверь и громко позвала Лизу. Та прибежала, и я послала ее за водой, – закончила рассказ Гриппа.

– Вот лиса! – от досады стукнул кулаком по косяку Сокольский. – Я разговаривал с горничной вчера вечером, как и со всей прислугой. Вела себя, как ангел безвинный. Ну, держись, красавица... – Главный секьюрити с плотоядной ухмылкой покачал головой. – Спасибо, Агриппина Вольдемаровна, за помощь, извините, что отнял ваше время.

Вежливо попрощавшись, Сокольский шагнул за порог.

– Пойдите! – на этот раз уже более требовательно и твердо воскликнула Гриппа. – Я поеду с вами.

– Что? – растерялся Артем. – Зачем?

– Вы ничего из Лизы не вытянете, если только не собираетесь применить раскаленный утюг.

– С чего вы взяли?

– Лиза тертый калач. Она работает у моей матери уже три года, и за это время не было ни одного скандала. Девушка не получила ни одного выговора, только похвалы, премии и подарки. А это значит очень многое, можете мне поверить. А до того Лиза работала у госпожи Скумбриевской. Та еще стерва, почище мамочки! Ей бы и святой не угодил, но Лиза умудрялась. К маме горничная перешла, когда мадам Скумбриевская развелась с мужем и вышла замуж за молодого серфингиста где-то в Мексике, а после этого уволила всю прислугу моложе сорока пяти лет. Лиза вам не по зубам, вы ничего из нее не выжмете. Ее не запугать, не запутать, не обмануть.

– Тогда, простите, как вы действовать собираетесь?

– Вы забыли о простом классическом приеме, испокон веков используемом при допросах. Называется он очная ставка, – снисходительно улыбнулась Гриппа. – К тому же я знаю о Лизе достаточно, чтобы мамочка прибила ее в собственном будуаре. Хозяйка – единственный человек, кого Лиза боится по-настоящему.

– Почему? – искренне удивился Артем, вспоминая миниатюрную, хрупкую, немного инфантильную и капризную Елену Сергеевну, которая всегда казалась ему не опаснее кузнечика.

Гриппа усмехнулась.

– Потому, что моя мамуля наделена бурным темпераментом, вспыльчива, обладает буйной фантазией, совершенно не умеет держать себя в руках, временами страдает детским максимализмом, непредсказуема, нелогична, ей наплевать на доказательства, объяснения и слезы. Она безжалостна к представительницам своего пола и всех их, без исключения, считает законченными, завистливыми, жадными стервами, мечтающими занять ее место. Мама в порыве

страсти может схватиться и за утюг. А ее хрупкость – чистой воды иллюзия. При желании она и вас на обе лопатки положит, причем раньше, чем вы моргнуть успеете.

– А вы не преувеличиваете? – с некоторым испугом спросил Сокольский.

– Извините, Артем Георгиевич, но иногда мужчины поразительно слепы. Наверное, поэтому они чаще бывают счастливы в браке, чем женщины, – с какой-то поразительной, прямо-таки столетней мудростью во взгляде проговорила Гриппа, смотря на собеседника с сожалением.

Артем стоял молча. Впервые в жизни он видел девушку по-настоящему. Видел не странноватую, немного жалкую дочку босса, которую все считали почти юродивой, а умную, уверенную в себе молодую женщину, довольно симпатичную и, кажется, совершенно не заносчивую. Теперь ему казалось, что законченными дурами были те расфуфыренные пустоголовые красотки, которых, кроме нарядов и вечеринок, ничто в жизни не волновало, и которые насмешливо поджимали губки при виде Гриппы. И нечего удивляться, что она постоянно молчит в обществе. А о чем, собственно, ей с ними разговаривать?

– Так во сколько мы с вами встретимся? – вырвала мужчину из размышлений Гриппа. – Я сегодня освобожусь в пять – в полшестого. Значит, у родителей смогу быть около шести.

– Думаю, нам лучше приехать вместе. Давайте я заеду за вами в половине шестого.

– А моя машина?

– Могу потом подвезти вас обратно к университету. Или, если хотите, заберу вас из дома. Вы ведь, кажется, живете здесь неподалеку?

– Да. Точно, так будет лучше. Сейчас я напишу адрес. Как подъедете, позвоните.

Глава 6

Сокольский уехал.

День пошел своим чередом. Гриппа провела два семинара, пообедала в университетском кафе, поработала в библиотеке.

Время к концу дня вдруг стало тянуться на удивление медленно, события, как в замедленной съемке, еле-еле сменяли друг друга, а вот нервное напряжение росло с каждой минутой. Гриппа уже сто раз пожалела, что навязалась Сокольскому в помощницы. Тогда она искренне хотела помочь ему, но вот теперь в голову лезли всякие глупые, не связанные с расследованием мысли. А вдруг она не справится? Или скажет какую-нибудь глупость? Сделает что-то не то и все испортит? Зачем она вообще в это ввязалась? Теперь вот к родителям надо ехать. Так все было хорошо, а тут этот Сокольский...

В четыре часа Гриппа не выдержала, отменила встречу с научным руководителем и, сославшись на головную боль, унеслась домой.

Там легче не стало. До встречи оставалось еще больше часа, и девушка бессмысленно блуждала по своей маленькой квартирке, пока ее впервые в жизни не посетила мысль: а не привести ли себя в порядок?

Мысль была свежая, не рядовая. И Гриппа, быстренько приняв душ, заглянула в зеркальный шкафчик, который стараниями матери был битком набит косметикой, которой она, в общем-то, и не пользовалась. Максимум, что употребляла, это крем, тушь и иногда помаду. Теперь ей вдруг захотелось чего-то большего.

«Просто мне нечем себя занять», – убеждала себя Агриппина, чтобы не было так унизительно и стыдно самой себя.

Она порылась среди баночек и тюбиков и отыскала маску. Та была японской и явно очень дорогой, пахла вкусно, и Гриппа решилась. Густо намазала лицо ярко-зеленой субстанцией и задумалась о другой немаловажной вещи: о гардеробе.

Что будет уместнее надеть в этом случае? В нормальном состоянии Гриппа бы вовсе не стала переодеваться, но сегодня на нее нахлынуло желание поэкспериментировать. Она смело распахнула дверцы огромного, чуть не на половину комнаты шкафа. Скромный уголок в нем занимали «ее» вещи, те, которые Гриппа сама покупала и с удовольствием носила. Остальное пространство было захвачено дизайнерской одеждой, которую повесила сюда опять же мама. Девушка решительно сжала губы и выхватила наугад несколько вешалок. Выглядели вещи не так уж и пугающе. Черный брючный костюм от Шанель, синее платье от Гуччи, костюмчик от Гермес. Порывшись еще полчаса и ужасно вымотавшись, Агриппина остановилась на трикотажном платье от Гермес и высоких, за колено, сапогах от Шанель, которые кажется, называются ботфортами. К ним отыскала симпатичную сумочку и подходящую бижутерию. А в качестве верхней одежды выбрала длинное пальтишко из мягкого материала, вероятно, кашемировое, бог знает от кого. Вещи оказались удобными и неброскими. Может, зря она отказывалась их носить и демонстративно ходила в чем-то попроще, не брендовом?

Гриппа была уже одета, когда в дверь позвонили. Глянув в глазок, убедилась, что явился Сокольский, и смело распахнула дверь.

– Что это? – хриплым от ужаса голосом спросил Артем Георгиевич, покрываясь липкой испариной.

Гриппа кокетливо зарделась и как-то неловко попробовала покрутиться:

– Да, понимаете, было время, решила заскочить домой, переодеться.

– Нет, – покачал головой прокашлявшийся и пришедший в себя Сокольский, – у вас на лице.

– Что? – Девушка поднесла руку к щеке и, ощутив под пальцами шероховатую поверхность, все вспомнила. Она же хотела накраситься и сделала маску!

Агриппина стрелой метнулась в ванную. И замерла перед зеркалом! На лице красовалась кошмарная буро-сиреневая корка! Вид был такой, словно вместо лица у нее огромный синяк трехдневной давности. Только почему зеленая маска изменила цвет? Гриппа все удивлялась странной метаморфозе, стараясь смыть эту дрянь. А дрянь засохла намертво и смываться не желала. Через двадцать минут девушка выпала из ванной с красным, как после бани, лицом. То ли от стыда, то ли из-за маски.

Сокольский сидел в комнате и смотрел телевизор. Хорошо, что у нее в комнате всегда царит идеальный порядок, хоть тут краснеть не надо. Не успела Гриппа порадоваться своей педантичности, как тут же увидела раскиданные на полу вещи, в которых она вернулась с работы. Там же валялось белье. Агриппина едва удержалась от того, чтобы не стукнуться лбом о косяк с досады. Все, больше никаких попыток превратиться в светскую львицу, ее амплуа – «серая мышь». В нем она счастлива, его и следует придерживать.

Проглотив горечь позора, Гриппа вошла в комнату и мертвым голосом сообщила:

– Я готова.

Сокольский кивнул, и они поехали.

Артем молча рулил, лавируя в плотном потоке транспорта. Наследница миллионов сидела рядом, поджав губы и не устаивая его беседой. Все же она ненормальная. Может, у нее раздвоение личности? Сегодня утром вела себя как нормальный, живой человек, и вот опять, извольте радоваться, «невеста императора».

До усадьбы Начинкиных оставалась пара километров, и Артем, пересилив себя, прокашлялся, обратился к спутнице:

– Вы уже подумали, как будем действовать?

Гриппа вздрогнула от неожиданности. Всю дорогу она думала только о засохшей маске и разброшенных трусах. И теперь ляпнула первое, что пришло в голову:

– А родители уже дома?

– Нет. Вольдемар Сигизмундович улетел в Австрию, а Елена Сергеевна будет поздно.

– Прекрасно. Пройдем в кабинет, вызовем Лизу, и я с ней побеседую.

– Это все?

– Ну да. А вы что планировали?

– Ничего. Надеюсь, вы знаете, что будете говорить?

Агриппина уверенно кивнула.

Теперь Сокольский жутко жалел, что потащил ее с собой. Толку от нее не будет, только все испортит.

Компаньоны поневоле разместились в угловом кабинете, скучном, скромно оформленном, в общем, вполне подходящем для задуманной операции.

Чесотка, открывшая им двери, пригласила туда горничную Елены Сергеевны. Гриппа уже собралась и теперь точно знала, как себя вести. Девушка уселась за рабочий стол, чтобы создать правильную атмосферу, и не забыла нацепить на нос свои рабочие очки – прямоугольные, черные, очень строгие. На студентов они действовали.

– Здравствуйте, Агриппина Вольдемаровна. Вы хотели меня видеть? – сладким, ласковым голосом спросила Лиза, входя и расправляя скромное рабочее платье.

Каждый сезон Елена Сергеевна заказывала прислуге новые форменные платья, в зависимости от собственного настроения. Нынешней осенью они были салатовыми.

– Елизавета, я хочу знать, какие подробности больше всего интересовали Анжелу в папин день рождения. Стоимость банкета, папин костюм или возможные неожиданности?

Сокольский ее подход оценил. Агриппина не спрашивала, был ли вообще у горничной разговор с Коробицкой, или о чем та спрашивала и сколько заплатила. Она строила беседу с прислугой так, словно совершенно точно знала и о том разговоре, и о его предмете, а сейчас интересуется лишь мелкими, малозначительными деталями. Молодец. Может, у нее что-нибудь и выйдет.

– Агриппина Вольдемаровна, что вы такое говорите? Я вообще с Анжелой Вольдемаровной не разговаривала, разве что поручение какое-нибудь исполнила, – совершенно, казалось бы, искренне недоуменно возразила Лиза.

Сокольский ей почти поверил.

– Лиза, я не спрашиваю, говорила ты с ней или нет и какого достоинства купюру опустила в нагрудный кармашек после разговора с Анжелой. Я спросила, что именно ее больше всего интересовало.

– Но...

– Значит, так. Я не буду настаивать, однако если сейчас же не услышу ответы на свои вопросы, о том, что ты работаешь на врага папы, узнает Елена Сергеевна. Думаю, глубокие безобразные шрамы твое лицо никак не украсят, а на проведение пластических операций по их устранению уйдут все нажитые шпионажем средства. Выбирай, либо вываливаешь все мне, либо вечером имеешь разговор с моей матерью. Покинуть резиденцию тебе не удастся. Артем Георгиевич, проследите.

Голос Агриппины звучал пугающе спокойно и властно.

Лиза ужасно растерялась. Горничная, как и вся прислуга, привыкла воспринимать хозяйскую дочь мямлей, мол, она этакая простофиля, ни рыба ни мясо, и особо с ней не считалась. А та, оказывается, хитрая, двуличная змея, которая умело водила всех за нос, а значит, очень опасна, и с ней шутить, наверное, не стоит. Вон как Сокольским командует... Девушка закусила губу и, взвесив грозившие последствия, решила не рисковать.

Спустя полчаса Лизавета выпала из кабинета с красным от переживаний лицом, выдав всю требовавшуюся информацию, опрометью бросилась к себе.

– Ну, вот, а вы сомневались, – откидываясь на спинку кресла, проговорила Гриппа, улыбаясь.

Сегодня просто-таки волшебный день. Ей все сегодня удавалось. Если, конечно, не считать забытую на лице маску и разбросанное белье, но это мелочи. И чувствовала себя девушка удивительно легко и раскрепощенно. Как на защите своего диплома, когда собравшиеся профессора в один голос превозносили глубину ее работы, изящество решений и несомненный талант автора. Нет, сейчас даже было лучше. На защите все происходило ожидаемо, она всегда блистала в науке, а триумф в родительском доме стал чем-то свежим, неожиданным и бодрящим. Агриппина ведь всегда побаивалась прислуги, смущалась, ожидая осуждения и насмешек. Оказывается, зря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.